

A close-up portrait of a young man with a full, dark beard and mustache, looking slightly to the right. He is wearing a dark blue military uniform with ornate gold embroidery on the collar and epaulettes. The background is blurred, showing other people in uniform.

Сергей Свой

**Николай II, сын
Александра II**

**Сергей Свой
Николай Второй сын
Александра Второго**

<https://litres.ru/74009394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Александрович, сын Александра Второго, так и не ставший в реальной истории Николаем Вторым, у нас - с помощью "попаданца" станет Николаем Вторым, да таким - что нам не стыдно будет!

Содержание

Глава	4
Глава 1	6
Глава 2	46
Глава 3	98
Глава 4	128
Глава 5	167
Глава 6	197
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Николай Второй сын Александра Второго

Глава

Пролог

Если вам кто то будет рассказывать про "белые лучи" или такие же "белые коридоры" - не верьте. Просто тьма. нет, не так - Тьма ...

Сквозь эту тьму и безвременье я слышу, вернее - чувствую разговор.

- Он подойдет. Просто те варианты хуже.

- Ну хорошо. Начинаем.

Я был вполне нормальным человеком, за одним исключением - у меня была т. н. "фотографическая память". И это было с детства. Я об этом никому из родственников и друзей не говорил.

Ничего себе - скажете вы, разве это обычный, нормальный человек?

Да, отвечаю. Я никогда не показывал этого "на люди".

Пользовался этим, не скрою, но только для себя.

Когда учился и в школе и в универе, когда писал диссертацию - но это всегда получалось типа "трудолюбивый и старательный". Обычный кандидат наук, обычный семьянин - вот просто обычный и все!

Ну а тут - бегу себе к входу в метро на площади Восстания, в Питере, естественно, где живу и работаю, вдруг - бац ... темнота и этот непонятный разговор.

Кстати, меня зовут (похоже - звали) Николай Александрович Романов.

Никса, как шутил мой оппонент по диссертации.

Диссертация была о жизни Цесаревича Николая Александровича, сына императора Александра Второго.

Так вот, о этой темноте .

Открываю глаза - что за чертовщина ... Это никак не похоже на приемный покой больницы. Свечи, духота, какой то балдахин дурацкий над кроватью. Попытался шевельнуться, закашлялся и услышал крики: " Он очнулся, доктора, доктора!"

Вот так я пришел в себя после жесточайшей простуды. Вернее не "себя", а в цесаревича, моего полного тезки. Того, что умер молодым, что был полным моим тезкой и того, о ком была моя диссертация. И еще "не совпадение" есть - мне не 56, а 15 лет. Вот такие пироги ..

Глава 1

Зимний, который стал домом

Открыв глаза, я первым делом увидел ангела.

Он висел надо мной, белый и пухлый, с золотыми кудряшками и сложенными в молитве руками. Потолок, на который я смотрел, терялся где-то в вышине, и ангел этот был лишь частью огромной росписи, от которой у нормального человека должна была закружиться голова. У меня не закружилась. Я слишком отчётливо помнил, как проваливался в ту самую Тьму с большой буквы, чтобы удивляться теперь какой-то живописи.

— Очнулся, — раздался шёпот откуда-то сбоку.

Я осторожно повернул голову. Шея слушалась плохо, будто я неделю пролежал в гипсе, но в целом — терпимо. В креслах у стены сидели две женщины в тёмных платьях и смотрели на меня с таким выражением, будто я только что воскрес из мёртвых.

— Ваше высочество? — та, что помоложе, подалась вперёд. — Как вы себя чувствуете?

— Пить, — прохрипел я.

Она вскочила, подбежала к столику в углу — я только сейчас заметил, что столик этот был серебряный, с какими-то вензелями и гербами, — и через секунду уже подносила мне стакан. Вода оказалась чуть тёплой, с лимоном, и обожгла горло, когда я попытался глотнуть слишком жадно.

— Тише, тише, — женщина постарше поднялась и подошла ближе. — Никса, доктор сказал, что простуда была сильная, но теперь кризис миновал. Ты будешь жить, мой мальчик.

Она говорила с лёгким акцентом, который я не мог определить. Немецким? Датским? Я лихорадочно перебирал в памяти факты. Императрица Мария Александровна, урождённая принцесса Гессенская. Значит, немецкий. Хотя она выросла при датском дворе? Нет, это запутанно, потом разберусь.

— Сколько я... — начал я и закашлялся.

— Третьи сутки, — ответила та, что помоложе. — Доктор Боткин сказал — воспаление лёгких, но теперь, слава богу, всё позади.

Боткин. Сергей Петрович Боткин. Знаменитый врач, основоположник русской терапевтической школы. Лечит цесаревича от пневмонии в Зимнем дворце в 1858 году. Чёрт возьми, я писал об этом в своей диссертации. Только тогда это была сухая строчка в архиве: «В феврале 1858 года наследник престола тяжело болел воспалением лёгких, находился на излечении у С.П. Боткина». А теперь я лежу в этой кровати и чувствую, как пахнет лекарствами и воском от свечей.

— Мама, — сказал я, глядя на императрицу.

Она вздрогнула и прижала ладонь к губам. Глаза у неё мгновенно наполнились слезами.

— Никса...

— Я хочу, чтобы вы знали, — продолжил я, сам не зная, зачем это говорю. — Я вас очень люблю. И я никуда не уйду. Я останусь.

Глупость, конечно. С чего бы пятнадцатилетнему парню говорить такие пафосные вещи матери после обычной простуды? Но императрица, кажется, не заметила нелепости момента. Она подошла, села на край кровати и взяла мою руку

в свои. Ладони у неё были тёплые, мягкие, пахли духами — тонко, едва уловимо.

— Мы так испугались, — сказала она тихо. — Саша места себе не находил. Каждый час прибегал спрашивать, не стало ли хуже.

Саша. Александр Александрович, будущий император Александр Третий. Его родной брат. Младше меня... то есть младше Никсы на два года. Тринадцатилетний мальчик.

— Где он? — спросил я.

— С отцом. Император сам проводит с ним уроки, пока ты болеешь. Велит передавать, чтобы поправлялся скорее, а то без тебя Саша уроки прогуливает.

Я улыбнулся. Представить тринадцатилетнего Сашу, прогуливающего уроки — это было легко. Представить себя в теле его старшего брата, которого он боготворил — уже сложнее.

— Я встану завтра, — сказал я. — Сегодня ещё полежу, а завтра — обязательно. У меня дел много.

Императрица рассмеялась — тихо, сквозь слёзы, но рас-

смеялась.

— Какие у тебя могут быть дела, глупый? Лежи, набирайся сил. Весна на дворе, скоро кататься поедете, если погода позволит.

Кататься. Верховом. И тут меня пронзило холодом.

1860 год. Падение с лошади. Роковой ушиб позвоночника, который станет спусковым крючком для туберкулёза через пять лет. Я знал это. Знал точно, до дня, до часа. Скачки на ипподроме в Царском Селе, нелепая случайность — и всё.

— Никса? — голос императрицы вернул меня в реальность. — Тебе плохо? Ты побледнел.

— Нет-нет, — поспешно сказал я. — Всё хорошо. Просто... вспомнил кое-что.

— Что?

— Сон, — соврал я. — Странный сон. Будто я падаю с лошади и потом долго-долго болею.

Императрица перекрестилась — быстро, привычным движением.

— Господь с тобой. Наследник российского престола — и падает с лошади? Ты же отлично держишься в седле, все учителя хвалят. Просто сон, Никса. Мало ли что приснится в горячке.

— Да, конечно, — согласился я. — Просто сон.

Но мы оба знали, что сны просто так не снятся. Особенно такие.

В комнату вошёл мужчина в мундире — невысокий, плотный, с бакенбардами и умными, внимательными глазами. Боткин. Я узнал его по портретам, которые видел в учебниках.

— Ваше величество, — поклонился он императрице. — Позвольте осмотреть больного.

— Да-да, Сергей Петрович, конечно.

Императрица поднялась, но не ушла — отошла к окну и встала там, наблюдая. Женщина помоложе — должно быть, фрейлина или компаньонка — тоже поднялась и отошла к

двери, чтобы не мешать.

Боткин подошёл, взял мою руку, пощупал пульс. Пальцы у него были прохладные, уверенные.

— Дышите, — сказал он, прикладывая трубку к груди. Я послушно вздохнул. — Ещё раз. Глубже.

Минута проходила за минутой. Он слушал мои лёгкие, заставлял кашлять, смотрел язык, щупал лимфоузлы на шее. Я чувствовал себя подопытным кроликом, но возражать не смел. Этот человек — лучший врач империи. Если он скажет, что я здоров — значит, здоров.

— Хрипов почти нет, — наконец произнёс Боткин, выпрямляясь. — Температура спала окончательно. Я бы сказал, ваше высочество, что вы родились в рубашке. Такое воспаление лёгких редко проходит без последствий, но вам, кажется, повезло.

— Спасибо, Сергей Петрович, — сказал я искренне.

Он улыбнулся — устало, но тепло.

— Благодарите Бога и своё молодое тело. А теперь — ещё дня три постельного режима, потом можно понемногу вста-

вать. Гулять — обязательно, но без фанатизма. Весна сырая, легко простудиться снова.

— Я прослежу, — кивнула императрица от окна.

Боткин поклонился и вышел. За ним выскользнула и фрейлина, оставив нас с императрицей вдвоём.

— Ты слышал, Никса? — она подошла и погладила меня по голове. — Три дня, и ты снова будешь бегать по дворцу, как угорелый.

— Мама, — сказал я. — Можно мне... можно мне увидеть Сашу? Прямо сейчас?

Она удивилась.

— Сейчас? Но доктор сказал...

— Я не буду вставать. Пусть он просто зайдёт. На пять минут. Я соскучился.

Это было правдой, как ни странно. Я действительно соскучился по брату, которого никогда не видел в своей жизни. По тому мальчику, который через двадцать с небольшим лет станет императором, а через тридцать — умрёт от болез-

ни почек, оставив страну своему сыну, который окажется последним Романовым на троне. Чёрт, как же всё переплетено.

— Хорошо, — мягко сказала императрица. — Я позову его. Но только на пять минут, договорились?

— Договорились.

Она вышла, и я остался один. Огляделся внимательнее. Комната была большой — метров сорок, наверное, — но не казалась пустой. Мебель тяжёлая, тёмного дерева, с позолотой. Шкафы с книгами, письменный стол, заваленный бумагами. На стене — портрет какого-то мужчины в мундире, очень похожего на меня... то есть на Никсу. Наверное, дед, Николай Первый. Тот самый, который подавил восстание декабристов и умер, по слухам, от собственной глупости — вышел на мороз в лёгком мундире, когда узнал о поражении в Крымской войне.

История, которую я знал из книг, теперь становилась моей жизнью. И от этого было немного страшно, но почему-то — ни капли не грустно. Я всегда любил эту эпоху. Любил до дрожи, до мурашек. И вот теперь я здесь.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел вихрь. Мальчик — тринадцать лет, крупный, широкоплечий, с добрым, но

сейчас перепуганным лицом — подбежал к кровати и замер, глядя на меня во все глаза.

— Никса? — выдохнул он. — Ты правда живой?

— Правда, Саша, — улыбнулся я. — Живой и, кажется, здоровый.

Он вдруг всхлипнул и рухнул на колени прямо у кровати, уткнувшись лицом в одеяло. Плечи его затряслись. Я протянул руку и положил ему на голову. Волосы у него были мягкие, светлые, совсем детские.

— Ты чего? — спросил я тихо. — Я же здесь.

— Я думал... — голос у него срывался. — Маменька сказала, что ты можешь умереть. А я... я без тебя не могу, Никса. Ты же знаешь.

Я знал. Из писем, из воспоминаний, из сухих строчек архива. Александр Третий всю жизнь хранил память о старшем брате, назвал своего первенца в его честь и до самой смерти носил медальон с его портретом. Они были не просто братья — они были лучшими друзьями.

— Не умру, — сказал я твёрдо. — Обещаю тебе. Никуда

я не денусь.

Саша поднял на меня заплаканные глаза.

— Честно?

— Честно.

Он шмыгнул носом, вытер лицо рукавом и вдруг улыбнулся. Улыбка у него была удивительная — открытая, тёплая, сразу преображающая лицо.

— А я тебе стихи принёс, — сказал он. — Сам сочинил, пока ты болел. Хочешь, прочитаю?

— Хочу.

Он откашлялся, встал с колен и принял театральную позу.

— Когда брат мой лежал в постели,
Мы все грустили и болели,
Но вот он встал — и сразу свет,
Такого брата лучше нет!

Я расхохотался — и тут же закашлялся от непривычки. Саша испуганно подскочил.

— Прости, я не хотел, чтобы ты кашлял!

— Всё хорошо, — отмахнулся я, прокашлявшись. — Просто смешно очень. Ты гений, Сашка.

Он просиял.

— Правда?

— Честное слово.

Мы помолчали. Саша присел на край кровати — осторожно, чтобы не потревожить меня — и спросил тихо:

— А что ты помнишь? Как болел?

— Почти ничего, — соврал я. — Темноту какую-то. И голоса.

— Голоса?

— Ну да. Будто кто-то разговаривал. Не знаю, кто. Может, ангелы.

Саша задрал голову, посмотрел на расписной потолок.

— Там ангел, — показал он пальцем. — Наверное, он тебя охранял.

— Наверное, — согласился я.

В дверях показалась императрица.

— Саша, пять минут прошло. Дай брату отдохнуть.

— Маменька, ну ещё чуть-чуть!

— Иди, — сказал я ему. — Вечером придёшь? Расскажешь, что в мире делается.

— Приду! — пообещал он и чмокнул меня в щёку — быстро, по-детски, совсем не по-царски. — Выздоровливай!

И выбежал, чуть не сбив с ног фрейлину, которая как раз входила с подносом.

— Ваше высочество, — девушка поставила поднос на столик. — Бульон и кисель. Доктор велел кормить.

Я посмотрел на неё внимательнее. Молоденькая, лет семнадцати, светлые волосы убраны под чепец, глаза серые,

смотрит преданно, как собачка.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она удивилась — видимо, наследник не часто интересовался именами прислуги.

— Ольга, ваше высочество. Горничная.

Ольга. Точно. В моих материалах мелькало это имя. Горничная, которая ухаживала за цесаревичем во время его последней болезни, а потом ушла в монастырь. Только сейчас эта Ольга была молоденькой и счастливой, и ни о каком монастыре ещё не думала.

— Ольга, — повторил я. — Красивое имя. Спасибо тебе.

Она покраснела до корней волос и присела в книксене.

— Рада стараться, ваше высочество.

Следующие три дня пролетели как в тумане. Ко мне приходили — император-отец, высокий, статный, с бакенбардами и усталыми глазами; великие князья, мои дядья; какие-то

генералы, которых я не запомнил. Все поздравляли с выздоровлением, желали скорейшего возвращения к учёбе, к обязанностям, к жизни.

Я кивал, улыбался, благодарил — и лихорадочно вспоминал. Вспоминал всё, что знал об этой семье, об этой эпохе, об этой стране. Моя фотографическая память, которая в прежней жизни была просто забавной особенностью, теперь становилась единственным моим оружием.

Я знал, что через два года, в 1860-м, Никса упадёт с лошади. Знал, что травма окажется серьёзнее, чем все подумают. Знал, что через пять лет, в 1865-м, он умрёт в Ницце от туберкулёзного менингита. Знал, что его невеста Дагмар выйдет замуж за Сашу, родит ему детей, и одного из них назовёт Николаем — в память о нём. Знал, что этот Николай станет последним императором и погибнет вместе с семьёй в подвале Ипатьевского дома.

Я знал слишком много.

И я знал, что должен что-то с этим делать.

— Ваше высочество, — Ольга появилась в дверях бесшумно, как тень. — К вам профессор Чичерин. Говорит, по поручению императора.

Чичерин. Борис Николаевич Чичерин, знаменитый юрист, историк, философ. Один из учителей цесаревича. Тот самый, который потом скажет, что в смерти Никсы умерли "тысячи смертей".

— Пусть войдёт, — сказал я, поправляя одеяло.

Чичерин вошёл — невысокий, бородатый, в очках, с портфелем в руках. Остановился у двери, поклонился.

— Ваше высочество, рад видеть вас в добром здравии. Его величество просил передать, что, как только вы поправитесь окончательно, мы продолжим занятия. А пока — вот список литературы для самостоятельного изучения.

Он протянул мне лист бумаги, исписанный мелким, убогим почерком. Я пробежал глазами — Карамзин, Соловьёв, Татищев, какие-то французские и немецкие авторы, названия законов, своды правил.

— Спасибо, Борис Николаевич, — сказал я. — Я обязательно прочту.

Чичерин внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— Выглядите вы хорошо, ваше высочество. Болезнь вас, кажется, не слишком тронула.

— Я чувствую себя прекрасно, — соврал я. Чувствовал я себя так, будто меня переехало поездом, но врать было необходимо. — Скоро приступлю к занятиям.

— Не торопитесь, — Чичерин улыбнулся. — Здоровье важнее. Особенно ваше здоровье, ваше высочество.

Он поклонился и вышел. А я остался лежать, глядя на список литературы и понимая, что мне придётся не просто учиться — мне придётся учиться так, как я не учился никогда в жизни. Потому что от того, насколько убедительно я сыграю роль наследника престола, зависит если не всё, то очень многое.

За окном уже смеркалось. Весенний Петербург дышал сыростью и талым снегом. Где-то вдалеке заливались колокола — к вечерне.

Я закрыл глаза и попытался представить себе свою новую жизнь. Пятнадцать лет. Впереди — вся история. И от меня зависит, какой она будет.

На четвёртый день я встал.

Осторожно спустил ноги с кровати, посидел, привыкая к вертикальному положению. Голова закружилась, но не сильно — организм, кажется, восстанавливался быстрее, чем я ожидал.

Ольга, которая дежурила в кресле, тут же вскочила.

— Ваше высочество, вам нельзя! Доктор сказал...

— Доктор сказал, что можно понемногу, — перебил я. — Вот я и пробую. Помогите дойти до окна.

Она подхватила меня под руку — осторожно, будто я был хрустальным. Я сделал несколько шагов. Ноги слушались, но казались чужими, ватными. Дошли. Я оперся руками о подоконник и выглянул на улицу.

Зимний дворец я видел только на картинках и в кино. Теперь я смотрел на него изнутри — на Дворцовую площадь, на Александровскую колонну, на арку Главного штаба. Всё было точно так же, как на фотографиях девятнадцатого века, но — живое. Люди ходили, экипажи ехали, солнце садилось за крыши, окрашивая небо в розовый.

— Красиво, — сказал я тихо.

— Да, ваше высочество, — отозвалась Ольга.

— Ольга, — я повернулся к ней. — А что ты обо мне знаешь? Ну, кроме того, что я наследник?

Она смутилась.

— Не понимаю вопроса, ваше высочество.

— Какой я, по-твоему? Добрый? Злой? Весёлый? Грустный?

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Вы... вы хороший, ваше высочество. Добрый. Все слуги вас любят. Вы всегда спасибо скажете, никогда не накричите зря. И брата своего любите очень. И учитесь хорошо. Все говорят — умный вы, надежда России.

Надежда России. Я усмехнулся. Вот так титул — надежда России. Пятнадцатилетний мальчик, которого вся страна ждёт как будущего царя.

— А ты сама откуда? — спросил я.

— Из-под Твери, ваше высочество. Крестьянка я, отец во дворец служить определил. Повезло мне.

Повезло. Ей повезло стать горничной наследника. А через семь лет ей не повезёт — она будет сидеть у постели умирающего, а потом уйдёт в монастырь и проживёт там долгую, никому не известную жизнь.

Если я ничего не изменю.

— Ольга, — сказал я. — Хочешь, я тебе секрет открою?

Она испуганно посмотрела на меня.

— Не надо, ваше высочество. Не положено мне секреты знать.

— А ты всё равно послушай. Я очень хочу жить. По-настоящему жить. Не просто быть наследником, не просто выполнять обязанности, а именно жить. Понимаешь?

Она не понимала, это было видно. Откуда крестьянской девушке знать экзистенциальные терзания историка, попавшего в тело царского сына?

Но она кивнула.

— Понимаю, ваше высочество. Все хотят жить. Это Богом дано.

— Да, — согласился я. — Богом дано.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул я, не отпуская Ольгину руку — стоять без опоры было ещё тяжело.

Вошел Саша. Сияющий, с какими-то бумагами в руках.

— Никса! Ты встал! — заорал он на всю комнату. — Маменька, маменька, Никса встал!

— Тише ты, — поморщился я. — Разбудишь весь дворец.

— А пускай! — Саша подбежал и обнял меня, чуть не сбив с ног. Ольга едва успела подхватить нас обоих. — Ты здоров! Совсем здоров!

— Почти, — поправил я. — Что это у тебя?

— А! — он протянул бумаги. — Это новые стихи. Я тут ночью не спал и сочинил. Хочешь, прочитаю?

— Хочу, — вздохнул я. — Только дай я сяду сначала.

Ольга помогла мне добраться до кресла. Саша устроился на полу у моих ног, развернул листы и начал читать. Стихи были ужасные, но я слушал и улыбался. Потому что это была жизнь. Настоящая, живая, тёплая.

И я собирался её прожить.

До конца.

Первая неделя после болезни пролетела как один день. Я учился заново ходить — ноги окрепли довольно быстро, молодой организм брал своё. Я учился есть то, что подавали — оказалось, что во дворце кормили обильно, но просто: каши, супы, мясо, никаких изысков, которыми я представлял себе царскую кухню.

Я учился разговаривать с людьми, не путая имена и титулы. Это было самое сложное — при дворе оказалась прорва народа, и все они знали меня, а я не знал никого. Приходи-

лось улыбаться, кивать и надеяться, что память Никсы, которая, кажется, осталась в теле, подскажет нужные имена в нужный момент.

И она подсказывала. Сначала — обрывками, потом всё чётче. Я вдруг понимал, что этого генерала зовут Николай Николаевич, и он мой дядя, а эту даму в кружевах — великая княгиня Елена Павловна, и она терпеть не может, когда с ней спорят. Память возвращалась, встраивалась в мою собственную, создавала странный гибрид из историка Коли и цесаревича Никсы.

— Ваше высочество, — Ольга появилась в дверях моей спальни. Я уже не лежал, а сидел за столом, пытаюсь разобрать бумаги, которые принёс Чичерин. — К вам граф Строганов.

Строганов. Сергей Григорьевич Строганов, воспитатель цесаревича. Тот самый, который сопровождал Никсу в поездках по России. О нём я тоже писал в диссертации.

— Пусть войдёт.

Граф вошёл — высокий, седой, с орденами на мундире, с умным, внимательным взглядом. Остановился, поклонился.

— Ваше высочество, рад видеть вас выздоравливающим.

— Благодарю, граф. Прошу садиться.

Он сел в кресло напротив, положил руки на набалдашник трости.

— Я пришёл поговорить о вашем будущем, Николай Александрович. Император поручил мне составить план ваших занятий на ближайшие годы. Вы вступаете в возраст, когда обучение должно стать более серьёзным, более целенаправленным.

— Я слушаю, — сказал я.

— Вы уже изучили основы. История, география, языки, математика, естественные науки. Теперь предстоит главное — подготовка к управлению государством. Закон, экономика, военное дело, дипломатия. Вам предстоят поездки по России — вы должны знать страну, которой будете править. И поездки за границу — вы должны знать тех, с кем будете иметь дело.

Я кивал, слушая. Всё это я знал из книг. Никса действительно объехал пол-России в начале шестидесятых, потом отправился в Европу, где и встретил свою любовь — датскую

принцессу Дагмар.

— Я готов, граф, — сказал я, когда он закончил. — К любым занятиям. К любым поездкам.

Строганов посмотрел на меня с удивлением.

— Вы изменились, ваше высочество. Раньше вы всегда спорили, торговались, просили поблажек. А сейчас — готовы?

— Болезнь меняет человека, — осторожно ответил я. — Я многое понял, пока лежал.

— Что именно?

Я задумался. Что сказать? Что понял, что живу не свою жизнь? Что должен прожить её так, чтобы не подвести того, чьё место занял? Что от меня зависит будущее миллионов людей?

— Я понял, что время — это единственное, что нельзя вернуть, — сказал я наконец. — И я не хочу терять ни дня.

Строганов долго смотрел на меня. Потом кивнул.

— Хорошо, ваше высочество. Завтра и начнём.

Он поднялся, поклонился и вышел. А я остался сидеть, глядя в окно на заснеженный Петербург.

Завтра начнётся новая жизнь. Учёба, поездки, встречи, разговоры. А через два года — скачки в Царском Селе. И я должен быть к ним готов.

Я должен выжить.

Следующие месяцы пролетели как один день. Учёба, учёба и ещё раз учёба. Чичерин гонял меня по истории и праву, Кавелин — по философии, Грот — по филологии. Я впитывал знания как губка, благо база у меня была отличная — моя диссертация давала о себе знать. Но теперь нужно было не просто знать факты, а уметь их применять. Жить в этой реальности, думать как наследник престола, принимать решения, от которых зависит судьба империи.

Саша почти не отходил от меня. Мы вместе завтракали, вместе обедали, вместе готовили уроки — вернее, я помогал ему с тем, что уже проходил сам. Он смотрел на меня с обожанием и удивлением.

— Ты стал какой-то другой, Никса, — сказал он однажды вечером, когда мы сидели в моей комнате и смотрели на закат. — Раньше ты тоже умный был, но сейчас — будто всё знаешь наперёд.

— Наперёд не знаю, — улыбнулся я. — Простараюсь просто не повторять чужих ошибок.

— Чьих ошибок?

— Всех, кто жил до нас.

Он задумался.

— А у нас будут ошибки?

— Будут, — сказал я честно. — Но мы постараемся, чтобы их было меньше.

Саша кивнул, принимая это как данность. Ему было тринадцать, и он верил старшему брату безоговорочно.

В мае император объявил, что летом мы едем в Царское Село. Я ждал этого с замиранием сердца — и со страхом. Потому что именно там, на царском сельском ипподроме, че-

рез год случится то самое падение.

У меня был год, чтобы придумать, как его избежать.

Царское Село встретило нас зеленью и теплом. Дворец стоял среди парков, как огромная белая игрушка, и я каждый раз замирал, проходя мимо него. Я видел эти места на фотографиях, в фильмах, в книгах. Теперь я жил здесь.

Мы много гуляли — я, Саша, иногда императрица, если у неё находилось время. Я впитывал в себя эту жизнь, этих людей, эту природу. Я учился быть Никсой — не играть, а именно быть. И чем дальше, тем легче мне это давалось.

— Ваше высочество, — Ольга догнала меня на аллее парка. Я шёл один, размышляя о чём-то своём. — Вам письмо.

— От кого?

— Из Дании, ваше высочество.

Я взял конверт, вскрыл. Письмо было от принцессы Дагмар — моей невесты. Той самой, которая должна была стать моей женой, а стала женой Саши и матерью последнего им-

ператора.

Я читал и улыбался. Дагмар писала по-русски — с ошибками, но старательно. Рассказывала о своей жизни в Копенгагене, о братьях и сёстрах, о том, как ждёт нашей встречи. Письмо было тёплым, искренним, детским.

«Мой дорогой Никса, — писала она. — Я каждый день молюсь за тебя и прошу Бога, чтобы он хранил тебя. Мама говорит, что я слишком много о тебе думаю, но я не могу иначе. Ты — моё будущее, моя надежда. Приезжай скорее. Твоя Минни».

Минни. Так её называли домашние. Так будет называть её Саша, когда она станет его женой. Так будут называть её при дворе до самой смерти.

Я сложил письмо и убрал в карман.

— Что-то важное? — спросила Ольга.

— Очень важное, — ответил я. — Ольга, как ты думаешь, что такое любовь?

Она покраснела.

— Не знаю, ваше высочество. Наверное, это когда не можешь без человека жить.

— А ты без кого-нибудь не можешь жить?

— Я без вас не могу, ваше высочество, — сказала она просто. — Вы для меня как брат.

Я посмотрел на неё. Семнадцать лет. Крестьянка. Горничная. Искренняя, добрая, преданная. Через несколько лет она уйдёт в монастырь, потому что не сможет пережить смерть того, кого считала братом.

— Ольга, — сказал я. — Обещай мне одну вещь.

— Всё, что угодно, ваше высочество.

— Если со мной что-нибудь случится — не убивайся. Живи дальше. Хорошо живи, счастливо. Детей роди, внуков. Ладно?

Она посмотрела на меня с ужасом.

— Что вы такое говорите, ваше высочество? С вами ничего не случится!

— Я знаю, — улыбнулся я. — Но если вдруг — обещаешь?

— Обещаю, — прошептала она, не понимая, зачем я это говорю.

Я кивнул и пошёл дальше по аллее. Солнце садилось за деревьями, птицы пели, где-то вдалеке слышалась музыка — во дворце играл оркестр.

Жизнь была прекрасна. И я собирался сделать всё, чтобы она такой и осталась.

Осенью мы вернулись в Петербург. Учёба продолжилась с новой силой — Чичерин был неумолим, Кавелин тоже, Победоносцев, который преподавал законоведение, вообще не давал спуска. Я вгрызался в науки, понимая, что это не просто знания — это оружие.

Параллельно я изучал придворную жизнь. Кто есть кто, кто кому друг, кто кому враг, кто на что влияет. Оказалось, что при дворе кипят страсти похлеще, чем в любой политической драме двадцать первого века. Интриги, заговоры, сплетни — всё это было, жило, дышало.

Я старался держаться нейтрально, ни с кем не сближаясь слишком сильно, но и не отталкивая никого. Это было трудно — особенно когда приходилось общаться с дядьями, великими князьями, которые считали себя вправе учить меня жизни.

— Никса, — говорил мне великий князь Константин Николаевич, мой дядя, известный либерал и реформатор. — Ты должен понимать, что Россия не может стоять на месте. Нужны реформы, нужно развитие, нужно...

— Я понимаю, дядя, — отвечал я. — Я читаю ваши записки.

Он удивлялся — видимо, не ожидал, что племянник интересуется его идеями.

Другие дядья, более консервативные, твердили своё: порядок, дисциплина, самодержавие.

Я слушал всех и молчал. Потому что я знал то, чего не знали они. Знал, чем кончатся и реформы, и контрреформы, и либерализм, и консерватизм. Знал, что Россию ждёт в двадцатом веке.

И я должен был это изменить.

Зима прошла в занятиях и размышлениях. Я много читал — не только то, что задавали учителя, но и то, что находил сам. Дневники, мемуары, записки современников. Я искал ответ на главный вопрос: как спасти империю?

И чем больше я читал, тем яснее понимал — простого ответа нет. Нельзя просто взять и отменить крепостное право, если оно уже отменено. Нельзя просто взять и провести реформы, если они уже проведены. Нельзя просто взять и предотвратить революцию, если причины её глубже, чем кажется.

Но можно попробовать. Можно хотя бы попытаться.

Весной 1859 года император объявил, что летом мы едем в Москву. На коронационные торжества — хотя коронация была давно, но в Москве всегда что-то праздновали. Я обрадовался — Москву я любил, хотя в этой жизни ещё не видел.

— Никса, — Саша влетел ко мне в комнату, размахивая какими-то бумагами. — Ты видел? Мы едем в Москву!

— Видел, — улыбнулся я. — Рад?

— Ещё бы! Говорят, там Кремль огромный, и соборы, и вообще...

— И вообще, — согласился я. — Соберёмся — поедем.

Саша сел на подоконник, задумался.

— Никса, а ты боишься?

— Чего?

— Ну... всего. Быть императором потом. Страной управлять.

Я подошёл и сел рядом.

— Боюсь, Саша. Кто не боится — тот дурак. Но страх — это не главное. Главное — делать то, что должно.

— А что должно?

— Служить России, — сказал я. — Честно, искренне, до конца. Думать о людях, а не о себе. Помнить, что мы — не хозяева, а слуги. Первые слуги империи.

Саша смотрел на меня во все глаза.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

— Тогда я тоже так буду думать, — решил он.

Я обнял его за плечи. Мой младший брат. Будущий император. Человек, который, если верить истории, умрёт от болезни почек, не дожив до пятидесяти. И оставит трон сыну, который всё проиграет.

— Саша, — сказал я. — Береги себя. Обещаешь?

— Обещаю, — удивился он. — А ты?

— И я. Мы друг друга беречь будем. Договорились?

— Договорились.

Мы сидели на подоконнике и смотрели на закат. За окном шумел весенний Петербург, вдалеке перекликались извозчики, где-то играла музыка. Жизнь текла своим чередом.

А впереди было лето. Москва. И год до роковых скачек.

Москва встретила нас колокольным звоном.

Мы ехали по Тверской, и народ выстраивался вдоль улицы, махал шапками, кричал «ура!». Я сидел в открытой коляске рядом с отцом и улыбался, махал в ответ. Люди смотрели на нас с такой надеждой, с такой верой, что у меня сжималось сердце.

Они не знали, что ждёт их впереди. Не знали, сколько крови прольётся, сколько жизней сломается, сколько надежд рухнет. Они верили в царя, в наследника, в светлое будущее.

Я знал. И это знание жгло меня изнутри.

— Никса, — император повернулся ко мне. — Ты какой-то задумчивый. Не нравится?

— Нравится, — ответил я. — Очень нравится. Просто... много людей.

— Это Россия, сынок. Такая она — большая, разная, но наша.

— Наша, — согласился я.

В Кремле нас ждали. Митрополит Московский и Коломенский Филарёт служил молебен в Успенском соборе, я стоял и смотрел на древние фрески, на золото иконостаса, на лица святых, и думал о том, сколько всего видели эти стены. Ивана Грозного, Смуту, Петра, Наполеона... А теперь — нас.

После службы был приём, потом обед, потом ещё приёмы. Я устал, но держался — наследник не имеет права показывать слабость.

Вечером, когда все разошлись, я вышел на крыльцо и долго смотрел на Москву. Огни, купола, звёзды. Город спал.

— Ваше высочество, — Ольга подошла неслышно. — Вы простудитесь.

— Не простужусь, — сказал я. — Ольга, как тебе Москва?

— Красиво, ваше высочество. Только очень большой город.

— Большой, — согласился я. — И это ещё не вся Россия. Впереди — вся страна.

— Вы поедете?

— Поеду. Обязательно поеду. Везде.

Она помолчала, потом спросила тихо:

— А меня возьмёте?

Я повернулся к ней.

— Хочешь со мной?

— Хочу, — прошептала она. — Я везде хочу с вами.

— Тогда поедешь, — пообещал я. — Всюду со мной поедешь. До конца.

Она улыбнулась — счастливо, благодарно.

Мы стояли на крыльце и смотрели на Москву. Город спал, не зная, что через год один из тех, кто сейчас на него смотрит, должен был упасть с лошади и начать умирать.

Но я этого не допущу.

Я обещал Никсе. Я обещал Саше. Я обещал себе.

Стоп машина. Поезд истории остановится здесь. И дальше пойдёт по новым рельсам.

Вместо эпилога к первой главе

Мы вернулись в Петербург в конце лета. Впереди была осень, зима, новая учёба, новые встречи. Впереди был 1860 год.

Я ждал его со страхом и надеждой.

Скачки в Царском Селе должны были состояться в сентябре. У меня было ещё несколько месяцев, чтобы подготовиться, чтобы придумать, как избежать падения.

Я не знал, получится ли. Не знал, смогу ли изменить судьбу.

Но я знал одно — я попробую.

Ради Саши. Ради Ольги. Ради Дагмар, которую ещё не встретил. Ради миллионов людей, которые смотрели на меня с надеждой на Тверской.

Ради России.

Продолжение следует...

Глава 2

Чужие среди своих

Осень в Петербурге — это особая поэзия. Мокрая брусчатка, отражающая фонари, туман над Невой, крики чаек, которые почему-то не улетают на юг, а остаются здесь, дожидаясь, пока река покроется льдом. Зимний дворец в такую погоду кажется огромным кораблем, застывшим среди каменных волн.

Я стоял у окна своей комнаты и смотрел, как капли дождя стекают по стеклу. Третья неделя сентября. Учёба шла полным ходом, и я уже начал привыкать к тому, что моё тело теперь на полвека моложе, а мозг забит информацией, которой здесь просто не может существовать.

— Ваше высочество, — Ольга вошла бесшумно, как всегда. — Чай подан.

— Спасибо, Оленька.

Я обернулся. Она стояла у столика, на котором дымился фарфоровый чайник, рядом — тарелка с булочками и вазочка с вареньем. Быт XIX века оказался не таким уж страш-

ным — если не считать отсутствия нормальной канализации и центрального отопления, жить здесь можно было вполне комфортно. Особенно если ты наследник престола и вокруг тебя бегают полсотни слуг.

— Что сегодня по расписанию? — спросил я, усаживаясь в кресло.

— В десять — законоведение с Победоносцевым, в двенадцать — обед с императорской семьёй, в два — верховая езда с братом, в четыре — русская словесность с Гротом.

— А вечером?

— Вечером — свободны. Их величества уезжают в оперу, вам разрешено заниматься чем угодно.

Я кивнул, делая глоток чая. Чай здесь заваривали отвратительно — слишком крепкий, слишком сладкий, с какими-то травами. Но я уже привык и даже начал находить в этом особый шарм.

— Ольга, — спросил я вдруг. — А ты читать умеешь?

Она смутилась.

— Немного, ваше высочество. Матушка учила по псалтыри.

— А писать?

— Только своё имя.

Я задумался. Грамотность среди крестьян была редкостью, особенно среди женщин. А Ольга была крестьянкой, хоть и служила во дворце.

— Хочешь, научу? — предложил я. — Читать и писать получше.

Она подняла на меня испуганные глаза.

— Ваше высочество, разве можно? Я же простая...

— Ты человек, — перебил я. — Такой же, как я. Только родилась в другом месте. Хочешь?

Она долго молчала, теребя край передника. Потом кивнула — едва заметно.

— Хочу, ваше высочество. Очень хочу.

— Тогда договорились. По вечерам, когда я свободен, будем заниматься. Только никому не говори — пусть это будет наш секрет.

Она улыбнулась — робко, благодарно.

Победоносцев оказался именно таким, как я его представлял — сухой, высокий, в очках, с тонкими губами и пронизывающим взглядом. Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, человек, который будет учить Александра Третьего, а потом и Николая Второго. Человек, которого либералы ненавидели, а консерваторы боготворили.

Но сейчас, в 1859 году, он был просто преподавателем законоведения, и ему было чуть за тридцать.

— Ваше высочество, — начал он, раскладывая бумаги на столе. — Сегодня мы поговорим о природе самодержавной власти. Что вы об этом думаете?

Я замер. Вопрос был скользкий — даже сейчас, даже в этой реальности. Сказать то, что думаю на самом деле? Или то, что от меня ждут?

— Я думаю, Константин Петрович, — начал я осторожно, — что самодержавная власть — это не привилегия, а огромная ответственность. Царь не просто правит — он служит. Служит Богу, служит народу, служит истории.

Победоносцев поднял бровь.

— Интересная формулировка. Служит. Обычно говорят — повелевает, правит, властвует.

— Повелевать легко, — сказал я. — Трудно — нести бремя.

Он долго смотрел на меня, и я видел, как в его глазах меняется отношение. Из снисходительного — «ученик отвечает урок» — оно становилось заинтересованным.

— Откуда у вас такие мысли, ваше высочество?

— Из книг, Константин Петрович. И из наблюдений. Мой отец — он же не просто сидит на троне. Он работает. Каждый день, с утра до ночи. Бумаги, встречи, решения. Это же каторга.

— Вы считаете это каторгой?

— Я считаю это служением, — поправился я. — Каторга — это когда заставляют. А когда сам выбрал — это служение.

Победоносцев кивнул, что-то записал в своём блокноте.

— Хорошо. Тогда давайте поговорим об ограничениях самодержавной власти. Существуют ли они?

— Существуют, — ответил я без колебаний. — Закон, церковь, общественное мнение, наконец. Император не может делать всё, что вздумается, даже если очень захочет. Его ограничивает традиция, ограничивает страх перед бунтом, ограничивает собственный разум.

— А должны ли существовать формальные ограничения? Конституция, парламент?

Вот оно. Вопрос, который разделял Россию на два лагеря. И я знал, что Победоносцев — ярый противник конституции.

— Я думаю, — сказал я медленно, — что форма не так важна, как содержание. Можно иметь конституцию и жить при тирании. Можно не иметь — и быть свободным. Всё зависит от людей, от традиций, от истории страны.

Победоносцев улыбнулся — впервые за всё время.

— Дипломатичный ответ, ваше высочество. Вы уходите от прямого вопроса.

— Я учусь, Константин Петрович. Учусь думать, прежде чем говорить.

— Это хорошее качество. Особенно для будущего императора.

Занятие продолжилось. Мы говорили о законах, о судебной системе, о реформах, которые готовил отец. Я слушал, запоминал, задавал вопросы. Победоносцев отвечал охотно, видимо, довольный моим интересом.

Когда урок закончился, он собрал бумаги и сказал:

— Ваше высочество, вы удивили меня сегодня. Признаюсь, я ожидал меньшего.

— Я стараюсь, Константин Петрович.

— Старайтесь и дальше. Россия нуждается в умных правителях.

Он поклонился и вышел. А я остался сидеть, переваривая разговор. Победоносцев — одна из ключевых фигур эпохи. Если я смогу найти с ним общий язык, это многое изменит.

Обед в императорской семье — это отдельный ритуал. Огромный стол, хрусталь, серебро, десятки приборов. Но еда — простая, почти домашняя. Император Александр Второй не любил излишеств.

Сегодня за столом собрались все. Отец — во главе, мать — напротив него. Саша — рядом со мной. Младшие братья и сёстры — Владимир, Алексей, Мария, Сергей, Павел. Шумно, весело, по-семейному.

— Никса, — обратился ко мне отец. — Победоносцев хвалил тебя. Говорит, ты делаешь успехи в законоведении.

— Стараюсь, ваше величество, — ответил я официально.

— Дома можно без титулов, — поморщился он. — Папа. Я же просил.

— Да, папа.

— Как тебе Победоносцев? Строг?

— Строг, но справедлив. И очень умён.

— Умён, — согласился император. — Но слишком консервативен. Будет тормозить реформы, если дать ему волю. Ты это имей в виду.

Я кивнул. Отец знал, что говорил. Через двадцать лет Победоносцев действительно станет главным тормозом любых преобразований.

— А что Чичерин? — продолжил император. — Не загоняет тебя?

— Чичерин — лучший, — сказал я искренне. — Его лекции — как глоток свежего воздуха.

— Хорошо. Учись, Никса. Время идёт быстро. Скоро тебе придётся брать на себя больше ответственности.

— Я готов, папа.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Знаешь, ты изменился после болезни. Стал серьезнее. Взрослее.

— Болезнь многому учит, — осторожно ответил я.

— Учит, — вздохнул он. — Меня жизнь учила. И тебя научит. Главное — не сломаться.

— Не сломаюсь, папа. Обещаю.

Саша под столом сжал мою руку. Я улыбнулся ему.

Семья. Моя семья теперь. И я сделаю всё, чтобы их сбере-
ечь.

После обеда — верховая езда. Мы с Сашей отправились в манеж, где нас уже ждали лошади. Мой конь — Зоркий, красавец-жеребец, подарок от дяди Константина. Сашин — Милый, спокойная лошадка, на которой безопасно учиться.

Я смотрел на Зоркого и думал о том, что через год именно на такой лошади — может быть, даже на этой — Никса упадёт и начнёт умирать.

— Ты чего застыл? — Саша уже взлетел в седло. — Поехали!

Я взял себя в руки, вскочил на Зоркого. Конь подо мной танцевал, чувствуя мою неуверенность. Пришлось собраться, вспомнить всё, что я знал о верховой езде из книг и фильмов. Тело Никсы, к счастью, помнило само — мышцы реагировали быстрее, чем мозг.

Мы выехали в парк. Осенний Царскосельский парк был прекрасен — золото листвы, синева неба, прохладный ветер. Саша носился впереди, кричал что-то восторженное. Я ехал шагом, привыкая к седлу, к движениям коня, к этому новому для меня опыту.

— Никса, давай наперегонки! — заорал Саша.

— Не сегодня, — ответил я. — Давай просто прогуляемся.

Он подъехал ближе, обеспокоенно заглядывая в лицо.

— Ты чего? Устал?

— Нет. Просто думаю.

— О чём?

— О разном. О жизни. О будущем.

Саша нахмурился.

— Ты стал много думать, Никса. Раньше ты больше смеялся.

— Повзрослел, наверное.

— А мне можно повзрослеть с тобой?

Я рассмеялся.

— Ты и так взрослеешь. Каждый день. Не торопись только.

— Почему?

— Потому что детство — это счастье. Потом такого не будет.

Он задумался над моими словами, потом потрянул головой.

— А я всё равно хочу скорее вырасти. Чтобы с тобой везде быть. Чтобы помогать тебе.

— Будешь, Саша. Обязательно будешь. Мы вместе всё сделаем.

Мы ехали по аллее, ветер шумел в кронах, где-то вдалеке лаяли собаки. Идиллия, покой, мир.

Я знал, что это ненадолго. Через год грянут скачки. А через два года начнутся студенческие волнения. Потом — Польское восстание. Потом — покушения на отца. Потом — война с Турцией. Потом...

Стоп. Не думать об этом сейчас. Сейчас — осень, парк, брат рядом. Жизнь прекрасна.

— Саша, — сказал я. — А ты веришь, что можно изменить судьбу?

— Судьбу? — переспросил он. — Не знаю. Маменька говорит, что судьба от Бога. Значит, нельзя.

— А если попробовать?

— Зачем?

— Чтобы спасти кого-то. Чтобы сделать мир лучше.

Саша посмотрел на меня серьёзно.

— Ты хочешь кого-то спасти, Никса?

— Может быть. Себя. Тебя. Всех.

— Тогда давай попробуем, — просто сказал он. — Вместе.

Я кивнул. Вместе — это хорошо. Вместе легче.

Русская словесность с Гротом оказалась неожиданно увлекательной. Яков Карлович Грот — филолог, профессор, человек, который знал о русском языке всё. Он пришёл ко мне в комнату после обеда, и мы устроились в креслах с книгами.

— Сегодня, ваше высочество, мы поговорим о Пушкине, — начал Грот. — Что вы думаете о нём?

Я чуть не рассмеялся. Что я думаю о Пушкине? Да я на-

изусть знаю половину его стихов, цитирую в разговорах, использую в диссертации. Но здесь, в 1859 году, Пушкин — это не школьная программа, а живая память. Он умер всего двадцать два года назад.

— Я думаю, Яков Карлович, что Пушкин — это наше всё, — ответил я. — Он создал русский литературный язык, он показал, что на русском можно писать так же красиво, как на французском или немецком. Он — гений.

Грот улыбнулся.

— Рад слышать это от вас, ваше высочество. Многие молодые люди сейчас увлекаются французскими романами и забывают родную словесность.

— Я не забываю, — сказал я. — Я вообще считаю, что каждый образованный человек должен знать свою культуру. Иначе какой он образованный?

— Совершенно верно. Тогда давайте читать.

Мы читали «Евгения Онегина». Я читал вслух, стараясь не слишком хорошо показывать знание текста — Никса, конечно, должен был учить это, но не настолько же. Грот комментировал, объяснял, вставлял исторические справки.

— Обратите внимание, ваше высочество, на образ Татьяны. Это идеал русской женщины для Пушкина. Верная, честная, глубоко чувствующая, но при этом с твёрдыми моральными принципами.

— Она отказывает Онегину, хотя любит его, — сказал я. — Потому что замужем. Потому что дала клятву.

— Именно. Для Пушкина это важно — честь, долг, верность слову.

— А для вас, Яков Карлович? Это важно?

Грот задумался.

— Для меня — да. Я старой закалки человек. Слово надо держать. Обещания выполнять. Иначе какой ты человек?

— Согласен, — кивнул я. — Только в жизни сложно. Иногда обещаешь одно, а приходится делать другое. Обстоятельства меняются.

— Обстоятельства — да. Но принципы — нет. Если принципы меняются от обстоятельств, значит, это не принципы, а приспособленчество.

Я посмотрел на него с уважением. Человек старой закалки, да. Но с чёткими моральными ориентирами. Таких сейчас мало. И в моём времени было мало. И здесь — тоже.

— Яков Карлович, — спросил я. — А вы учите меня не только языку, но и жизни?

Он улыбнулся.

— Я учу вас думать, ваше высочество. Всё остальное — приложение.

Вечером, когда дворец затих, мы с Ольгой устроились в моей комнате. Я достал бумагу, перья, чернила — писчие принадлежности здесь были чудовищно неудобными, но я привыкал. Хотя, кстати, надо "изобрести" стальное перо!

— Начнём с азбуки, — сказал я. — Это буква «А». Видишь?

Ольга склонилась над листом, высунув язык от усердия. Выводить буквы пером оказалось трудно — пальцы не слушались, чернила расплывались.

— Не торопись, — говорил я. — Плавно веди. Вот так.

Она старалась. У неё получалось плохо, но она старалась.

— Ваше высочество, — спросила она вдруг. — А зачем вам это? Я же просто служанка.

— Ты человек, — повторил я. — Имеешь право на грамоту.

— Но другие господа так не думают.

— Другие господа много чего не думают. Это не значит, что они правы.

Она замолчала, обдумывая мои слова.

— Вы странный, ваше высочество, — сказала она наконец. — Добрый странный. Не как все.

— Это плохо?

— Не знаю. Наверное, хорошо.

— Вот и хорошо. Давай дальше. Теперь буква «Б»...

Следующие недели пролетели в учёбе. Чичерин гонял меня по истории, заставляя пересказывать целые главы из Карамзина. Победоносцев мучил законоведением, требуя точных формулировок. Грот открывал красоту русского языка. Кавелин — философию, от которой у меня иногда голова шла кругом.

Но самое интересное началось, когда к моему образованию подключился генерал-адъютант граф Строганов. Он отвечал за «практическую часть» — знакомство с реальной жизнью империи.

— Ваше высочество, — сказал он однажды утром. — Сегодня мы едем в город. Без охраны, без помпы. Обычными людьми. Хочу показать вам Петербург, который не видно из окон дворца.

Я обрадовался. Возможность выбраться из золотой клетки — что может быть лучше?

Мы оделись скромно — я в пальто без регалий, Строганов в штатском сюртуке. Вышли через чёрный ход, сели в простую пролётку.

— Куда едем, граф?

— Для начала — на Сенную.

Сенная площадь в те годы была страшным местом. Рынок, толкучка, нищие, воровы, пьяные. Мы шли сквозь толпу, и я смотрел во все глаза. Это была не та Россия, которую показывали иностранным гостям. Это была настоящая Россия — грязная, шумная, живая.

— Видите этих людей, ваше высочество? — Строганов кивнул на крестьян в рваных армяках. — Это ваши подданные. Они платят налоги, они кормят страну, они умирают за неё на войне. А живут — вот так.

Я смотрел и запоминал. Грязные дети, играющие в пыли. Женщины с измождёнными лицами. Мужики, торгующиеся за каждую копейку.

— Сколько они зарабатывают? — спросил я.

— По-разному. Рубль в день — если повезёт. А в год выходит рублей двести-триста. Квартира в подвале стоит рублей пять в месяц. Еда — ещё столько же. Посчитайте сами.

Я посчитал. Выходило впритык, без запаса. Одна болезнь — и вся семья нищает.

— А если заболеют?

— Тогда либо богадельня, либо улица. Лекаря дороги.

Я молчал, переваривая увиденное. В книгах я читал о бедности крестьян. Но читать и видеть — разные вещи.

— Граф, — сказал я. — Почему мы ничего не делаем? Почему терпим такое?

— Делаем, ваше высочество. Реформы готовятся. Крепостное право отменят. Но быстро не получится. Россия большая, инерция огромная.

— А если быстрее? Если надавить?

— Надавить можно, — согласился Строганов. — Только последствия будут. Крестьяне не готовы к свободе. Они не умеют жить без помещика. Дадут волю — сопьются, разорятся, пойдут по миру.

— Значит, надо учить. Школы строить. Врачей готовить.

— Надо, — вздохнул он. — Но денег нет. Казна пуста. Крымская война всё съела.

Я замолчал. Крымская война — это 1853-1856 годы. Россия проиграла, потеряла флот, потеряла престиж. И теперь расплачивается за это.

— Граф, — спросил я. — А что бы вы сделали, если бы были императором?

Строганов усмехнулся.

— Крамольный вопрос, ваше высочество. Но отвечу. Я бы начал с образования. Потому что тёмный человек — он как зверь. Им легко управлять, но с ним невозможно построить сильную страну. Нам нужны грамотные крестьяне, грамотные рабочие, грамотные солдаты. Тогда и промышленность пойдёт, и армия станет сильнее, и жизнь наладится.

— А земля? Крестьянам землю давать?

— Обязательно. Но не сразу. Сначала — выкупить у помещиков, потом — наделить. Чтобы не было бунтов.

— А помещики не взбунтуются?

— Взбунтуются, — спокойно сказал Строганов. — Но с ними можно договориться. Деньгами, чинами, привилегиями. Они — не враги, они — часть системы.

Мы шли по Сенной, и я смотрел, и запоминал, и думал. В моей голове смешивались знания из будущего и реальность настоящего. Я знал, что крестьянская реформа будет проведена в 1861 году и окажется половинчатой. Я знал, что помещики получают выкуп, а крестьяне — долги на полвека. Я знал, что это приведёт к расслоению, к росту революционных настроений, к бомбам народовольцев.

Но как сделать лучше? Как дать крестьянам свободу, не разрушив страну?

— Ваше высочество, — Строганов тронул меня за плечо. — Пойдёмте дальше. Я покажу вам ещё кое-что.

Мы поехали на Выборгскую сторону. Здесь были заводы — Путиловский, Балтийский, другие. Чёрные корпуса, трубы, дым, грохот машин. Рабочие выходили сменой — чумазые, усталые, молчаливые.

— Посмотрите на них, — сказал Строганов. — Это новая

Россия. Не крестьяне, а пролетарии. Они не имеют земли, не имеют скота, не имеют дома. У них только руки. И если они останутся без работы — пойдут на улицу. А если их будет много — пойдут на баррикады.

Я смотрел на рабочих. Они проходили мимо, не обращая на нас внимания — два господина в штатском никого не интересовали.

— Сколько они получают? — спросил я.

— Рублей двадцать в месяц. Квартира — три-четыре. Еда — ещё десять. Остаётся на водку и на семью.

— А условия? Безопасность?

Строганов поморщился.

— Плохие условия. Травмы частые. Компенсаций почти нет. Заменили — и работай дальше.

— Это же безобразие, граф!

— Это жизнь, ваше высочество. Так везде. В Англии ещё хуже, там детей на фабриках морят. Мы хотя бы по воскресеньям не работаем.

— А надо менять. Законы писать об охране труда, о страховании, о пенсиях.

Строганов посмотрел на меня с удивлением.

— Откуда у вас такие мысли, ваше высочество?

— Из книг, граф. Из книг западных философов. И из здравого смысла. Если не заботиться о рабочих, они взбунтуются. А бунтовать им нечего терять — только цепи.

— Вы цитируете Маркса? — нахмурился он.

— Я цитирую здравый смысл, — твёрдо сказал я. — Маркс тут ни при чём. Просто если человеку нечего есть, он пойдёт грабить. Это биология, а не политика.

Строганов долго молчал, обдумывая мои слова.

— Вы необычный молодой человек, Николай Александрович, — сказал он наконец. — Ваши мысли опережают время.

— Может быть, — согласился я. — Но время не ждёт. Если мы не сделаем реформы сейчас, их сделают потом, но

кровью.

— Вы так думаете?

— Я знаю, граф. Я это знаю.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, но ничего не сказал.

Мы вернулись во дворец под вечер. Я был вымотан, но доволен. Увиденное дало мне больше, чем месяцы учёбы. Я понял, с чем мне придётся иметь дело. И понял, что работа предстоит огромная.

Ольга ждала меня в комнате с ужином. Я сел за стол, но есть не хотелось — перед глазами всё ещё стояли лица рабочих и крестьян.

— Ваше высочество, вы нездоровы? — обеспокоенно спросила она.

— Здоров, Оленька. Просто задумался.

— О чём?

— О людях. О том, как они живут.

Она вздохнула.

— Тяжело живут, ваше высочество. Я знаю. Мои родители так живут. В деревне — ещё хуже, чем в городе. Но там хоть земля своя, а здесь — только работа.

— А ты хотела бы вернуться в деревню?

Она покачала головой.

— Нет. Там голодно. Здесь хотя бы кормят и одевают. И вы... вы добрый. С вами хорошо.

Я улыбнулся.

— Спасибо, Оленька. Давай заниматься?

— Давайте, ваше высочество.

Мы сели за буквы. Ольга старалась, выводила кривые линии, пачкала пальцы чернилами. Я смотрел на неё и думал о том, сколько таких Ольг по всей России — безграмотных, тёмных, но хороших людей. Им бы дать образование — они

бы горы свернули.

— Ольга, — сказал я. — А хочешь, я тебя не только читать научу, но и считать? И историю расскажу?

— Историю? — удивилась она. — Зачем мне история?

— Чтобы знать, откуда мы пришли. Чтобы понимать, куда идём.

— А вы знаете, куда мы идём?

— Знаю, — честно ответил я. — И хочу, чтобы ты тоже знала. Чтобы вместе идти было легче.

Она посмотрела на меня с благоговением.

— Вы правда думаете, что мы вместе?

— Правда, Оленька. Все мы вместе. Россия — она одна. Или выживем все, или погибнем поодиночке.

Она не поняла, но кивнула. Приняла на веру.

Ноябрь принёс новые встречи. В Петербург приехал дядя Константин Николаевич, великий князь, генерал-адмирал, глава Морского министерства. Он был либералом, реформатором, человеком, который мечтал превратить Россию в современную европейскую державу.

— Никса! — закричал он, входя в мою комнату. — Вырос-то как! Совсем взрослый!

Я поднялся ему навстречу. Дядя был высок, широкоплеч, с густой бородой и живыми, умными глазами.

— Здравствуйте, дядя.

— Здравствуй, здравствуй. Садись, рассказывай. Чем занимаешься? Что читаешь?

— Учусь в основном. Чичерин, Победоносцев, Грот...

— Победоносцев, — поморщился Константин. — Этот задушит кого угодно. Не слушай его слишком много. Он из хорошего человека сделает церковного сторожа.

Я улыбнулся.

— Я стараюсь слушать всех, дядя. И делать свои выводы.

— Правильно. Умный человек — тот, кто умеет думать сам. Остальные — попугаи.

Он сел в кресло, вытянул длинные ноги.

— Я к тебе с предложением, Никса. Хочу, чтобы ты участвовал в работе Морского учёного комитета. Послушал, о чём говорят, вник в проблемы флота. Тебе же скоро принимать решения — надо знать, что к чему.

— С удовольствием, дядя. Когда начинать?

— Завтра в десять. Я пришлю экипаж.

— Буду готов.

Он посмотрел на меня с одобрением.

— Молодец. Не ленишься. Это хорошо. А то много сейчас молодых людей, которые только и знают, что балы да гулянки.

— Мне не до гулянок, дядя. Времени мало.

— Времени всегда мало, — вздохнул он. — Особенно ко-

гда дел много. Но ты не торопись. Жизнь длинная, всё успеешь.

Я промолчал. Если бы он знал, как коротка жизнь Никсы в оригинальной истории, он бы так не говорил.

Морской учёный комитет заседал в Адмиралтействе. Огромное здание, шпиль, кораблики на фасаде. Внутри — запах чернил, табака и моря.

Я сидел в углу зала и слушал. Говорили о кораблях, о пушках, о броне, о тактике. Обсуждали опыт Крымской войны, где русский парусный флот ничего не мог противопоставить паровым судам союзников.

— Нам нужны новые корабли, — говорил какой-то адмирал. — Броненосцы, мониторы, паровые фрегаты. Пока мы не построим современный флот, мы будем уязвимы.

— Денег нет, — возражал другой. — Казна пуста. А броненосцы — это миллионы рублей.

— А если война? — вскинулся первый. — Если завтра англичане придут к Кронштадту? Чем отбиваться будем?

Я слушал и записывал в блокнот. Всё это мне пригодится. В будущем Россия построит флот, и он будет сильным. Но потом проиграет Цусиму. Потом будет Первая мировая. Потом — революция.

— А что думает молодой человек? — вдруг обратились ко мне.

Я поднял голову. Все смотрели на меня.

— Я думаю, — начал я осторожно, — что флот нужен не только для войны. Флот — это торговля, это влияние, это престиж. Без флота мы не сможем защищать свои интересы ни в Чёрном море, ни на Дальнем Востоке.

— Но денег нет, — повторил кто-то.

— Деньги можно найти, — сказал я. — Например, сократить расходы на сухопутную армию. У нас самая большая армия в Европе, а воевать мы не умеем. Может, лучше иметь меньшую, но профессиональную, а сэкономленное пустить на флот?

В зале повисла тишина. Я понял, что ляпнул что-то не то.

— Ваше высочество, — медленно произнёс один из генералов. — Вы предлагаете сократить армию?

— Я предлагаю подумать о приоритетах, — поправил я. — Флот — это будущее. Армия в её нынешнем виде — прошлое. Но я могу ошибаться, я только учусь.

Константин Николаевич улыбнулся в бороду.

— Смелые мысли, Никса. Продолжай в том же духе. А мы подумаем над твоими словами.

Заседание продолжилось, но я чувствовал на себе косые взгляды. Армейские генералы меня невзлюбили. Флотские — зауважали. Так я начал приобретать первых союзников и первых врагов.

После заседания дядя Константин отвёл меня в сторону.

— Ты молодец, — сказал он. — Говорил прямо, без оглядки. Так и надо.

— Я не хотел никого обидеть, дядя.

— Не обидел, а задел. Это разные вещи. Армия привыкла считать себя главной. А флот всегда был на вторых ролях. Но времена меняются. И ты прав — будущее за морем.

— А как же сухопутные границы? — спросил я. — Они же огромные.

— Границы надо укреплять, — согласился он. — Но не миллионом мужиков с ружьями, а крепостями и железными дорогами. Чтобы войска можно было быстро перебросить. А флот — это щит. Без щита нас будут бить, как в Крымскую.

Я кивнул. Логика была понятной.

— Дядя, а вы верите, что Россия может стать морской державой?

— Верю, — твёрдо сказал он. — Если мы построим флот и захватим проливы — Чёрное море станет нашим. Если построим порты на Тихом океане — выйдем в Тихий океан, вообще всё изменится.

Проливы. Константинополь. Мечта России на протяжении веков.

— А если Англия не даст? — спросил я.

— Англия будет мешать, — усмехнулся он. — Всегда мешает. Но мы не одни. У нас есть союзники в Европе. Надо уметь договариваться.

Я слушал и запоминал. Геополитика XIX века была сложной, запутанной, но увлекательной. И я начинал в ней разбираться.

Вечера я проводил с Ольгой. Она делала успехи — уже читала по слогам, выводила буквы почти без ошибок. Мы читали вместе — сначала детские книжки, потом стихи, потом даже газеты.

— Ваше высочество, — спросила она однажды. — А почему вы меня учите? Другие господа своих слуг не учат.

— Потому что другие господа — дураки, — честно ответил я. — Они не понимают, что грамотный слуга — лучший слуга. Он понимает, что от него хотят, он может прочитать записку, он может записать распоряжение.

— И поэтому?

— И поэтому, — подтвердил я. — А ещё потому, что ты хороший человек. И заслуживаешь лучшей жизни.

Она покраснела и уткнулась в книгу.

— Вы слишком добрый, ваше высочество.

— Я справедливый, Оленька. Это разные вещи.

Мы читали дальше. За окном шумел ветер, в камине потрескивали дрова. Уютно, тепло, спокойно.

Я думал о том, что такие вечера — это и есть счастье. Маленькое, тихое, но настоящее.

Декабрь принёс морозы. Петербург застыл, Неву сковало льдом, по ней уже прокладывали санные пути. Мы с Сашей катались на коньках — он учился, я вспоминал навыки из прошлой жизни.

— Никса, смотри! — заорал он, проезжая мимо на полной скорости. — Я могу!

— Молодец! — крикнул я в ответ.

На льду было много народу — горожане, студенты, даже дамы в шубках. Все веселились, смеялись, наслаждались зимой.

Ко мне подошёл молодой человек в студенческой шинели.

— Ваше высочество, — поклонился он. — Позвольте представиться — Дмитрий Каракозов, студент Казанского университета.

Я замер. Каракозов. Тот самый, который через семь лет выстрелит в моего отца. Почти попадёт. Станет первым из длинной череды террористов.

— Здравствуйте, — сказал я спокойно. — Чем обязан?

— Я хотел выразить вам своё восхищение, — Каракозов смотрел на меня с каким-то странным блеском в глазах. — Говорят, вы интересуетесь положением простого народа. Что выезжаете в город, смотрите, как живут рабочие и крестьяне.

— Интересуюсь, — подтвердил я. — А что в этом удивительного?

— Это удивительно для наследника престола, — сказал

он. — Обычно будущие императоры смотрят на народ только с балкона.

— Может быть, поэтому у нас всё так плохо? — спросил я. — Потому что императоры не знают, как живёт народ?

Каракозов удивлённо поднял брови.

— Вы так думаете?

— Я так знаю, — твёрдо сказал я. — Чтобы управлять страной, надо её понимать. А чтобы понимать — надо видеть своими глазами.

Он долго смотрел на меня, потом улыбнулся.

— Вы не такой, как все, ваше высочество. Это хорошо. Может быть, с вами у России есть будущее.

— Спасибо, — сказал я. — А вы чем занимаетесь, Дмитрий?

— Учусь, — ответил он. — И думаю. Много думаю о том, как сделать Россию лучше.

— Думать — полезно, — сказал я. — Только помните:

Россия большая, сложная. Простых решений не бывает. То, что кажется правильным в теории, на практике может обернуться катастрофой.

Он нахмурился.

— Вы против перемен?

— Я за перемены, — ответил я. — Но за умные перемены. За постепенные. Чтобы не сломать то, что работает, пока чиним то, что сломалось.

— Вы консерватор, — сказал он с разочарованием.

— Я реалист, — поправил я. — И вам советую быть реалистом. А идеи — они хороши, но только если их можно воплотить без крови.

Каракозов поклонился и ушёл. Я смотрел ему вслед и думал о том, что через семь лет этот студент возьмёт в руки пистолет. И если я ничего не сделаю, он выстрелит.

— Никса! — Саша подъехал ко мне. — С кем ты говорил?

— Так, случайный знакомый, — ответил я. — Поехали домой, замёрз я.

Мы пошли к саням. Я оглянулся — Каракозов стоял у перил и смотрел на нас. Взгляд у него был тяжёлый, немигающий.

Вечером я долго не мог уснуть. Ворочался, думал о Каракозове, о будущем, о том, как его предотвратить. Арестовать? За что? Он ещё ничего не сделал. Следить? Но как?

— Ваше высочество, — шёпот Ольги вывел меня из раздумий. — Вы не спите?

— Нет, Оленька. Зайди.

Она вошла в ночной рубашке, босая, с распущенными волосами.

— Я услышала, что вы ворочаетесь. Беспокоюсь.

— Всё хорошо, — сказал я. — Просто мысли.

— О чём?

— О людях. О том, как трудно быть хорошим.

Она села на край кровати.

— Вы хороший, ваше высочество. Самый хороший.

— Не всегда, Оленька. Иногда я думаю такие вещи, что самому страшно.

— Какие?

— Например, что некоторых людей надо убирать, чтобы спасти других. Что иногда зло надо останавливать злом.

Она помолчала, потом сказала тихо:

— Вы не такой, ваше высочество. Вы добрый. Добрые так не думают.

— Добрые так и думают, — вздохнул я. — Потому что они видят зло и хотят его остановить. А останавливать можно только силой.

— Не знаю, — прошептала она. — Я простая, тёмная. Мне не понять.

— Понимаешь, Оленька. Ты всё понимаешь. Просто бо-

ишься себе в этом признаться.

Она взяла мою руку и прижала к щеке.

— Не уходите никуда, ваше высочество. Оставайтесь живым.

— Постараюсь, — пообещал я. — Очень постараюсь.

Мы сидели так долго, молча. В камине догорали угли, за окном выл ветер. А я думал о том, что жизнь — сложная штука. И что иногда единственный способ остаться человеком — это делать то, что должно, несмотря ни на что.

Новый год встречали в Зимнем. Огромная ёлка, сотни гостей, музыка, шампанское. Я стоял рядом с отцом, принимал поздравления, улыбался, кивал.

— Никса, — отец положил руку мне на плечо. — С новым годом, сын. Пусть он принесёт тебе счастье.

— Спасибо, папа. И вам.

— Ты как? Держишься?

— Держусь.

— Молодец. Я горжусь тобой.

Я посмотрел на него. Ему было сорок один, он был в расцвете сил, красивый, статный, любимый народом. Через двадцать два года его убьют бомбой на набережной Екатерининского канала.

— Папа, — сказал я. — Берегите себя.

Он удивился.

— С чего вдруг?

— Просто. Я вас очень люблю.

Он улыбнулся и обнял меня. Коротко, по-мужски, но тепло.

— И я тебя, сынок. И я тебя.

Бой курантов. 1860 год.

Роковой год.

Январь тянулся медленно. Учёба, встречи, разговоры. Я встречался с разными людьми — министрами, генералами, учёными, писателями. Впитывал информацию, запоминал, анализировал.

Однажды ко мне пришёл Чичерин.

— Ваше высочество, — сказал он. — Я хочу познакомить вас с одним человеком. Он только что вернулся из ссылки, но его идеи могут быть вам интересны.

— Кто это?

— Александр Иванович Герцен.

Я чуть не поперхнулся чаем. Герцен! Легенда, кумир либералов, издатель «Колокола», главный оппонент самодержавия. И Чичерин предлагает мне с ним встретиться?

— Борис Николаевич, это возможно? Герцен же в Лондоне.

— Уже нет. Он приехал инкогнито, навестить родствен-

ников. Пробудет в Петербурге несколько дней. Я могу организовать тайную встречу.

Я задумался. Риск был огромный. Если узнают — скандал, обвинения в неблагонадёжности, проблемы с отцом. Но Герцен — это уникальная возможность понять оппозицию изнутри.

— Хорошо, — сказал я. — Организуйте.

Через два дня я сидел в маленькой квартире на окраине города напротив человека с пронзительными глазами и седой бородой.

— Ваше высочество, — усмехнулся Герцен. — Странная встреча. Наследник престола и государственный преступник.

— Вы не преступник, Александр Иванович, — сказал я. — Вы мыслитель. А мысли не преследуют.

— Ошибаетесь, — вздохнул он. — В России преследуют даже мысли. Особенно мысли.

Мы говорили долго. О России, о Европе, о реформах, о революции. Герцен был умен, язвителен, бескомпромиссен.

Он ненавидел самодержавие, но любил Россию.

— Вы верите, что можно изменить страну без крови? — спросил я.

— Не знаю, — честно ответил он. — Я хочу верить. Но опыт говорит обратное. Кровь всегда льётся, когда сталкиваются интересы.

— А если попробовать договориться?

— С кем? — усмехнулся он. — С вашим отцом? Он хороший человек, но он пленник системы. Его дядья, министры, генералы — они не дадут ему шагнуть влево. А народ молчит, потому что боится.

— А если народ перестанет бояться?

— Тогда будет бунт, — спокойно сказал Герцен. — Бессмысленный и беспощадный, как сказал Пушкин. И мы все в нём утонем.

Я смотрел на него и понимал, что он прав. Россия висела на волоске. Одно неверное движение — и всё рухнет.

— Александр Иванович, — спросил я. — А что бы вы

сделали, если бы стали императором?

Он рассмеялся.

— Я бы упразднил императора. Но это не ответ. Если серьёзно — я бы дал свободу. Свободу слова, свободу собраний, свободу совести. Я бы отменил цензуру, распустил Третье отделение, создал парламент. И я бы отдал землю крестьянам. Всю, без выкупа.

— А помещики?

— А что помещики? Они не работают на земле, они её только сосут. Пусть идут в промышленность, в торговлю, в науку. Кто умный — тот выживет.

— А если взбунтуются?

— Пусть бунтуют, — махнул рукой Герцен. — Их мало. Крестьян много. Крестьяне — это Россия. А помещики — это нарост.

Я молчал, переваривая. Радикально, но логично. Если бы не одно «но» — крестьяне не готовы к свободе. Они сопыются, разорятся, пойдут по миру. Их надо сначала поднять, обучить, просветить. А на это нужны десятилетия.

— Александр Иванович, — сказал я. — А вы не боитесь, что ваша свобода обернётся анархией? Что крестьяне, получив землю, передерутся за неё? Что страна развалится?

— Боюсь, — признался он. — Но ещё больше я боюсь, что если мы ничего не сделаем, страна развалится сама. И тогда будет хуже. Гораздо хуже.

Мы расстались почти друзьями. Герцен уехал обратно в Лондон, а я остался с его мыслями в голове.

Февраль принёс новые встречи. Я познакомился с Михаилом Лорис-Меликовым, будущим «диктатором сердца», который попытается спасти Россию реформами после покушений на отца. С графом Шуваловым, главой Третьего отделения. С Дмитрием Милютиным, военным министром, который будет реформировать армию.

Я слушал, запоминал, анализировал. Картина складывалась сложная, противоречивая. В России было много умных, талантливых людей. Но они не могли договориться друг с другом. Либералы ненавидели консерваторов, консерваторы — либералов, радикалы ненавидели всех.

— Ваше высочество, — сказал мне однажды Строганов. — Вы слишком много общаетесь с разными людьми. Это опасно.

— Почему? — удивился я.

— Потому что у каждого из них своя правда. А вам нужна одна — государственная. Вы не можете быть либералом или консерватором. Вы должны быть императором.

— Я ещё не император, граф.

— Но будете. И должны быть готовы.

Я кивнул. Он был прав. Но как быть готовым, если не знаешь, что думают люди? Если не понимаешь, чем дышат твои подданные?

— Граф, — спросил я. — А вы верите, что Россия может измениться?

— Она уже меняется, — ответил он. — Каждый день. Вопрос — в какую сторону.

— В хорошую, надеюсь.

— Надежда — это хорошо, — усмехнулся он. — Но лучше бы уверенность.

Март. Весна. Снег таял, Нева вскрывалась, по городу поползли слухи о реформе. Крепостное право должны были отменить со дня на день.

Я сидел в своей комнате и писал дневник. Обычную тетрадь в кожаном переплёте, куда записывал свои мысли.

«Сегодня 14 марта 1860 года. Я прожил в этом времени почти год. За это время я узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Я видел рабочих и крестьян, генералов и министров, либералов и консерваторов. Я говорил с Герценом и Победоносцевым, с Чичериным и Строгановым. Я начинаю понимать эту страну.

Но главное испытание впереди. Сентябрь. Скачки. Падение.

Я должен выжить. Ради Саши, ради Ольги, ради отца. Ради России.

Я не знаю, получится ли. Но я попробую.

Никса, если ты меня слышишь — помоги. Твоя жизнь теперь — моя жизнь. Я не подведу.

Стоп машина».

Я закрыл тетрадь и посмотрел в окно. Весна вступала в свои права. Солнце, капель, крики птиц.

Впереди было лето. А летом — Царское Село.

А там — или пан, или пропал.

Апрель пролетел незаметно. Учёба, встречи, разговоры. Я чувствовал, как меняется моё восприятие — я уже не играл роль Никсы, я им становился. Его воспоминания, его чувства, его привязанности встраивались в меня, делая цельным.

Однажды ночью мне приснился сон. Я стоял на ипподроме в Царском Селе, рядом со мной был Зоркий. Вдруг конь встал на дыбы, и я полетел вниз, в темноту. А из темноты ко мне тянулись руки — Саша, Ольга, отец, мать. И голос:

«Спаси нас. Спаси себя. Спаси Россию».

Я проснулся в холодном поту.

— Ваше высочество? — Ольга тут же оказалась рядом. — Вам плохо?

— Нет, Оленька. Сон дурной приснился.

— Какой?

— Страшный. Но это просто сон.

Она села рядом, взяла мою руку.

— Я с вами, ваше высочество. Я никуда не уйду.

— Спасибо, — прошептал я. — Ты не представляешь, как это важно.

За окном светало. Новый день начинался.

До сентября оставалось пять месяцев.

Глава 3

Знание — сила

Лето 1860 года выдалось в Петербурге на редкость жарким. Солнце плавало воздух над Невой, и даже в Зимнем дворце, с его толстенными стенами, становилось душно. Я сидел в своей комнате с распахнутыми настежь окнами и листал подшивку журнала, которую принёс мне Чичерин.

— "Вестник естественных наук", — прочитал я вслух. — Издаётся с 1854 года при Московском университете.

— Совершенно верно, ваше высочество, — кивнул Борис Николаевич, расположившийся в кресле у окна. — Я полагаю, вам полезно знать, чем живёт российская наука. Не только гуманитарные дисциплины составляют образование государственного человека.

Я листал страницы. Статьи по зоологии, ботанике, физике, химии. Имена: Рулье, Северцов, Бэр. Многие из них были мне знакомы по истории науки, но здесь, в подлиннике, они выглядели иначе — живыми, современными, работающими прямо сейчас.

— А вы знаете, Борис Николаевич, — сказал я задумчиво, — что самое интересное в науке?

— Что же?

— То, что сегодня кажется фантастикой, завтра становится обыденностью. А послезавтра — устаревшей рухлядью. И скорость этого процесса всё возрастает.

Чичерин посмотрел на меня с любопытством.

— Вы рассуждаете, как человек, много размышлявший об этом. Откуда такие мысли?

— Из книг, — уклончиво ответил я. — И из наблюдений. Посмотрите, что случилось за последние пятьдесят лет. Пароходы, железные дороги, телеграф, фотография. Мир меняется быстрее, чем мы успеваем осознать эти перемены.

— И что из этого следует для наследника престола?

— Что Россия не может позволить себе отставать, — твёрдо сказал я. — Если мы не будем развивать науку и промышленность, нас съедят те, кто это делает.

Чичерин усмехнулся в бороду.

— Ваше высочество, вы говорите, как заправский экономист. Вам не идёт пятнадцать лет.

— Я рано повзрослел, — парировал я. — Болезнь имеет и такие последствия.

На следующий день я попросил Строганова организовать мне встречу с кем-нибудь из практиков — промышленников, инженеров, людей дела. Граф удивился, но обещал подумать.

— Есть один человек, ваше высочество, — сказал он через пару дней. — Павел Николаевич Демидов, князь Сан-Дonato. Молодой, энергичный, владеет уральскими заводами. Правда, он сейчас в Париже, но через месяц обещал быть в Петербурге.

— Демидов, — повторил я. — Тот самый, который...

— Который богаче самого императора, — закончил Строганов. — Да. Демидовы — это не просто заводчики, это целая империя внутри империи.

Я кивнул. Демидовых я знал по истории — знаменитая династия уральских горнозаводчиков, владельцы колоссальных состояний, меценаты, благотворители. Если кто и мог рассказать мне о реальной промышленности России, так это они.

— Я хочу с ним встретиться, граф. Как можно скорее.

— Будет сделано, ваше высочество.

Пока Демидов добирался из Парижа, я продолжал учёбу и знакомства. Однажды ко мне пришёл Саша с необычной просьбой.

— Никса, там один немец приехал, хочет тебе что-то показать. Какой-то аппарат, говорит, важный.

— Какой немец?

— Не помню. Длинный, в очках. Папенька сказал, что если хочешь — прими, а если нет — пусть идёт.

Я заинтересовался. Немцы в России были обычным делом — учёные, инженеры, мастера. Многие приезжали на-

ниматься на заводы или в университеты.

— Пусть войдёт.

Вошедший оказался именно таким, как описал Саша — высокий, худой, с длинными светлыми волосами и очками на носу. Одет скромно, но опрятно. Поклонился с достоинством.

— Ваше высочество, меня зовут Борис Семёнович Якоби. Я физик, член Академии наук.

Я чуть не вскочил с кресла. Якоби! Тот самый, который изобрёл электродвигатель и гальванопластику! Легенда русской электротехники.

— Очень рад, Борис Семёнович, — сказал я, стараясь не выдать своего волнения. — Прошу вас, садитесь. Что привело вас ко мне?

Якоби улыбнулся.

— Молва, ваше высочество. Говорят, вы интересуетесь наукой и техникой больше, чем положено наследнику. Я хотел показать вам кое-что.

Он развернул принесённый с собой свёрток. Там оказался небольшой прибор — медные катушки, железный сердечник, стрелка на подставке.

— Это, ваше высочество, электромагнитный телеграф. Моя конструкция. Я работаю над ним уже много лет и хочу предложить его для практического использования.

Я смотрел на прибор и думал о том, что телеграф уже изобретён — Морзе, Уитстон, Кук. Но Якоби был одним из пионеров, он действительно много сделал для развития электрической связи.

— Борис Семёнович, — спросил я. — А вы знаете о работах мистера Морзе в Америке?

Якоби поморщился.

— Знаю, ваше высочество. Но мой аппарат лучше. Он проще, надёжнее, и главное — он может печатать буквы, а не только точки и тире.

— Покажите.

Якоби начал демонстрацию. Он соединил два прибора проводами, покрутил рукоятку, и на втором аппарате по-

ползла бумажная лента с оттиснутыми буквами. Я смотрел заворожённо — в двадцать первом веке это казалось музейным экспонатом, но здесь, в 1860 году, это было чудом техники.

— Замечательно, — сказал я искренне. — Это действительно замечательно. А вы думали о том, чтобы передавать сигналы без проводов?

Якоби замер.

— Без проводов? Ваше высочество, это невозможно. Электричество течёт по проводам, иначе оно рассеивается.

— А если использовать не электричество, а что-то другое? — осторожно спросил я. — Например, волны. Электромагнитные колебания. Фарадей писал о них, Максвелл сейчас разрабатывает теорию.

Якоби посмотрел на меня с удивлением.

— Вы читаете Максвелла? Ваше высочество, вы меня поражаете. Но то, что вы описываете, — это чистая теория. На практике никто ещё не передавал сигналы таким способом.

— Пока не передавал, — поправил я. — Но передаст.

Обязательно передаст. Вопрос времени.

Якоби покачал головой.

— Вы фантазёр, ваше высочество. Но это хорошее качество для молодого человека. Однако позвольте вернуться к моему аппарату. Я хотел бы получить высочайшее соизволение на установку телеграфной линии между Зимним дворцом и Главным штабом. Это было бы полезно и наглядно.

— Я поговорю с отцом, — пообещал я. — Думаю, он согласится.

Якоби раскланялся и ушёл, оставив меня в размышлениях. Максвелл, Герц, Попов, Маркони — всё это было впереди. Но если я мог ускорить процесс? Если бы удалось подтолкнуть науку в нужном направлении?

— Ольга! — позвал я.

Она появилась мгновенно.

— Слушаю, ваше высочество.

— Принеси бумагу и перья. Много бумаги. Я буду писать.

Следующие несколько дней я провёл за составлением записок. Я не мог прямо сказать, откуда знаю то, что знаю, но мог задавать правильные вопросы и подбрасывать правильные идеи.

Я написал Якоби письмо с вопросами о природе электромагнитных колебаний. Я написал в Академию наук запрос о работах Фарадея и Максвелла. Я даже составил для себя список тем, которые следовало бы обсудить с учёными и инженерами.

Ольга смотрела на мою активность с недоумением.

— Ваше высочество, вы совсем себя не бережёте. Опять ночь сидели, свечи жгли.

— Оленька, — ответил я, — если я не сделаю этого, кто сделает?

— Другие сделают. Учёные там, профессора...

— Они сделают, — согласился я. — Но позже. А время не ждёт.

Я не мог объяснить ей, что знаю будущее. Что знаю про радио, которое появится через тридцать пять лет. Про дизельные двигатели, которые изменяют мир. Про то, что если подтолкнуть науку сейчас, через двадцать лет Россия может стать совсем другой.

В середине июля в Петербург наконец прибыл Демидов. Строганов устроил встречу в своём особняке — неофициальную, без протокола, просто разговор умных людей.

Павел Павлович Демидов оказался молодым человеком лет двадцати, с живыми глазами и быстрыми движениями. Одет по последней парижской моде, говорит быстро, пере скакивая с темы на тему.

— Ваше высочество, какая честь! Граф говорил, что вы интересуетесь промышленностью. Это замечательно! Наши цари обычно далеки от заводов, а зря, ох зря!

— Я как раз хочу это исправить, — сказал я. — Расскажите о ваших заводах, Павел Павлович. Что делаете, как работаете, с какими трудностями сталкиваетесь.

Демидов оживился.

— Заводы у нас на Урале. Тагил, Невьянск, Выйский. Чугун, железо, медь. Лучшее железо в мире, ваше высочество! Англичане покупают, хотя и ворчат, что дорого.

— А машины? Паровые двигатели?

— Есть, — кивнул Демидов. — Но мало. Дорого. Уголь везти далеко, дрова дорожают. Англичане уже на каменном угле сидят, а мы всё на дровах.

— А если бы был двигатель, который работает на дешёвом топливе? На нефти, например?

Демидов посмотрел на меня с недоумением.

— На нефти? Ваше высочество, нефть — это для освещения. Керосин из неё гонят. А для двигателей — нет.

— Будет, — сказал я уверенно. — Обязательно будет. Я читал про опыты одного немецкого инженера... — я запнулся, соображая, как бы помягче ввести информацию о Дизеле, который ещё даже не начинал свои работы. — В общем, идея такая: сжимать воздух в цилиндре так сильно, чтобы он нагревался, а потом впрыскивать топливо. Оно будет воспламеняться само, без свечи.

Демидов слушал, раскрыв рот.

— Ваше высочество, вы сами это придумали?

— Нет, — честно сказал я. — Читал у одного... французского учёного. Идея теоретическая, но я верю, что её можно реализовать. Если у вас есть инженеры, пусть подумают.

— Есть инженеры, — задумчиво сказал Демидов. — Есть даже очень хорошие. Черепановы, отец и сын. Они паровозы строили, да не оценили тогда.

— Черепановы! — воскликнул я. — Те самые, которые первую в России железную дорогу построили?

— Они, — кивнул Демидов. — Мирон Черепанов ещё жив, работает на наших заводах. Ефим недавно умер. Мирон — голова золотая, но старый уже, сил мало.

— Павел Павлович, — сказал я горячо. — Таких людей надо беречь! Их опыт, их знания — это сокровище. Пусть он запишет всё, что знает. Пусть учеников подготовит. А если нужны средства — я помогу.

Демидов посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ваше высочество, вы необычный человек. Пятнадцать лет, а говорите как министр. Откуда в вас это?

— Книги, — улыбнулся я. — И желание, чтобы Россия была первой, а не догоняющей.

Мы проговорили несколько часов. Демидов рассказывал о заводах, о рабочих, о трудностях сбыта, о конкуренции с англичанами. Я слушал и запоминал. Картина вырисовывалась нерадостная — русская промышленность отставала, и отставала серьёзно.

— Ваше высочество, — сказал Демидов под конец. — Если вы действительно хотите помочь промышленности — добейтесь, чтобы железные дороги строили быстрее. У нас руда есть, лес есть, люди есть. А вывозить не можем — дорог нет. Реками только, да и то летом.

— Железные дороги, — повторил я. — Да. Это действительно главное.

— И ещё, — добавил он. — Училища нужны. Технические. Чтобы инженеров готовить. Своих, русских. А то всё

немцы да англичане, а своих почти нет.

— Будут, — пообещал я. — Обязательно будут.

После встречи с Демидовым я ходил сам не свой. Столько информации, столько идей, столько проблем — голова шла кругом. Я начал записывать всё, что узнал, в специальную тетрадь. Потом систематизировал, раскладывал по полочкам.

Однажды ночью, когда я сидел над записями, в комнату вошёл Саша.

— Не спишь?

— Не сплю. Думаю.

— О чём?

— О России, Саша. О том, как её поднять.

Он сел рядом, заглянул в тетрадь.

— Что это?

— Заметки. О промышленности, о науке, о том, что нам нужно сделать, чтобы страна стала сильнее.

Саша полистал.

— Тут столько всего... Никса, ты правда думаешь, что мы всё это сможем?

— Не мы, — поправил я. — Наши дети. И внуки. Это работа на десятилетия.

— А мы?

— А мы начнём. Посеем семена. А уж пожать — другие пожнут.

Саша помолчал, потом спросил тихо:

— Никса, а ты не боишься?

— Чего?

— Всего. Ответственности этой. Страны такой огромной. Людей, которые от тебя зависят.

Я обнял его за плечи.

— Боюсь, Саша. Очень боюсь. Но страх — не повод ничего не делать. Страх — это топливо. Он заставляет быть осторожным, внимательным, умным. Главное — не дать ему парализовать себя.

— Я запомню, — серьёзно сказал Саша.

Август принёс новые знакомства. Чичерин организовал мне встречу с профессором Энгельманом из Дерптского университета — специалистом по русскому праву и истории крепостного права.

Иван Егорович Энгельман оказался человеком лет тридцати, худощавым, с высоким лбом и внимательными глазами. Говорил он с лёгким прибалтийским акцентом, но по-русски чисто и правильно.

— Ваше высочество, — начал он. — Я слышал, вы интересуетесь положением крестьян. Это похвально, но опасно.

— Почему опасно?

— Потому что этот вопрос — самый болезненный в России. Крепостное право — это рана, которая кровоточит веками. И любое неосторожное движение может сделать только хуже.

— Вы работаете над историей крепостного права, Иван Егорович?

— Работаю, — кивнул он. — Собираю материалы. Думаю написать книгу — о том, как возникло крепостное право, как развивалось, как его отменили в Европе.

— Когда отменят у нас — напишете продолжение?

Энгельман усмехнулся.

— Дай бог дожить. Реформа готовится, но медленно. Слишком много интересов сталкивается.

— А вы как думаете — надо отдавать крестьянам землю?

— Обязательно, — твёрдо сказал он. — Иначе свобода превратится в новое рабство. Безземельный крестьянин — это батрак. Он будет зависеть от помещика ещё сильнее, чем раньше.

— Но помещики не захотят отдавать землю.

— Не захотят, — согласился Энгельман. — Поэтому государство должно выкупить землю и передать крестьянам. Дорого, трудно, но иначе — никак.

Я смотрел на него и думал о том, что в моём времени историки всё ещё спорят об этом. А здесь, в 1860 году, этот молодой профессор уже понимал суть проблемы.

— Иван Егорович, — спросил я. — А вы бы хотели участвовать в реформе?

Он удивился.

— Каким образом?

— Консультировать, писать документы, объяснять людям. Я могу поговорить с отцом.

Энгельман долго молчал, потом сказал тихо:

— Ваше высочество, я простой профессор. Моё дело — учить студентов и писать книги. А реформы пусть делают те, кому положено.

— Вы скромны, — улыбнулся я. — Но подумайте. Знания нужны не только в аудиториях.

Осень приближалась. С ней приближался и роковой день — скачки в Царском Селе. Я чувствовал это каждой клеткой тела. Даты в моей голове стояли чётко: сентябрь 1860 года. Ипподром. Падение.

Я должен был что-то придумать.

— Ольга, — спросил я однажды вечером. — Ты умеешь ездить верхом?

— Нет, ваше высочество. Откуда?

— А хочешь научиться?

Она испуганно посмотрела на меня.

— Мне нельзя. Я простая...

— Ты человек, — перебил я. — Имеешь право. Я тебя научу.

— Но господа...

— А мы тайно. По утрам, пока все спят. Саша поможет.

Она задумалась, потом кивнула.

— Хорошо, ваше высочество. Если вы так хотите.

Я хотел. Не только для неё — для себя. Мне нужно было проводить время с лошадьми, привыкать к ним, учиться чувствовать их. Потому что в сентябре я должен был быть готов ко всему.

Мы начали вставать на рассвете. Солнце только поднималось над Царским Селом, когда мы с Сашей и Ольгой пробирались в конюшню. Саша отвлекал конюхов, я седлал лошадей, Ольга училась держаться в седле.

— Выше спину, — командовал я. — Не горбись. Ноги расслабь, не сжимай лошадь.

Она старалась. У неё плохо получалось, но она старалась.

— Никса, — Саша подъехал на своём Милом. — А зачем

ты её учишь? Она же девушка, ей не надо.

— Каждому надо уметь держаться на лошади, — ответил я. — Это свобода. Понимаешь? На лошади ты не привязан к дому, к месту. Ты можешь ехать, куда хочешь.

Саша задумался.

— А я могу ехать, куда хочу?

— Ты — нет, — усмехнулся я. — Ты Великий Князь. Твоя жизнь — это долг.

— А ты?

— Я тоже. Но иногда можно делать вид, что это не так.

Мы ехали по утреннему парку, роса блестела на траве, птицы пели. Ольга постепенно осваивалась, держалась увереннее.

— Ваше высочество, — сказала она. — А почему вы мне помогаете?

— Потому что ты этого заслуживаешь, — ответил я просто. — И потому что, когда ты научишься, ты сможешь на-

учить других. Так и распространяется добро.

— Вы странный, — улыбнулась она. — Самый странный человек из всех, кого я знаю.

— Это комплимент?

— Наверное.

В середине августа произошло событие, которое взволновало весь Петербург. В Зимний дворец приехал Александр фон Гумбольдт — знаменитый немецкий учёный, путешественник, естествоиспытатель. Ему было девяносто лет, он был знаменит на весь мир, и его визит в Россию был событием историческим.

Отец решил, что я должен присутствовать на встрече.

— Никса, — сказал он мне утром. — Сегодня будешь с нами. Гумбольдт — великий человек. Тебе полезно на него посмотреть.

— Слушаюсь, папа.

Встреча проходила в большом зале. Гумбольдт оказался маленьким, сухоньким старичком с живыми, пронзительными глазами. Он говорил по-французски, но с сильным немецким акцентом.

— Ваше величество, — обратился он к отцу. — Я счастлив снова быть в России. Я помню свою экспедицию тридцать лет назад. Как изменилась страна!

— Мы стараемся меняться, господин барон, — ответил император. — Хотим идти в ногу с прогрессом.

— Прогресс, — задумчиво повторил Гумбольдт. — Знаете, ваше величество, что такое прогресс? Это когда люди перестают бояться нового. Когда они готовы учиться, экспериментировать, ошибаться. Без ошибок нет прогресса.

— А как же цена ошибок? — спросил я, не удержавшись.

Гумбольдт повернулся ко мне.

— А это кто? — спросил он отца.

— Мой старший сын, наследник Николай.

— Ах, наследник! — Гумбольдт посмотрел на меня с лю-

бопытством. — Вы спросили о цене ошибок. Это хороший вопрос, молодой человек. Цена ошибок может быть высокой. Но цена страха перед ошибками — ещё выше. Страх парализует. А паралич — это смерть.

Я слушал, затаив дыхание. Этот старик, проживший почти век, видевший столько, что мне и не снилось, говорил простые и важные вещи.

— Господин барон, — спросил я. — А что бы вы посоветовали молодому человеку, который хочет служить своей стране?

Гумбольдт улыбнулся.

— Учиться, молодой человек. Всю жизнь учиться. И не слушать тех, кто говорит, что всё уже известно. Ничего не известно. Каждое поколение открывает мир заново.

— Спасибо, — сказал я искренне.

После встречи я долго ходил под впечатлением. Гумбольдт уехал через несколько дней, но его слова остались со мной.

Последние дни перед скачками я провёл в лихорадочной активности. Встречался с конюхами, расспрашивал о лошадях, о том, как ведёт себя Зоркий, нет ли у него дурных привычек. Конюхи удивлялись, но отвечали.

— Зоркий — конь хороший, ваше высочество, — говорил старый Степан. — Резвый, умный. Но норовистый. Чуть что не по нём — может и понести.

— А что значит "не по нём"?

— Да всякое. Шум резкий, движение неожиданное. Он пугается.

Я запоминал. Норовистый, пугливый. Значит, нужно быть особенно внимательным.

— Степан, — спросил я. — А если я захочу на нём скакать, но не быстро, а так, прогулочным шагом — он позволит?

— Отчего не позволить? Позволит. Только вы же на скачки собрались, все говорят.

— Мало ли, — уклончиво ответил я. — Вдруг погода ис-

портится.

Степан посмотрел на ясное небо, но промолчал.

Наступило 15 сентября.

Я проснулся рано, как всегда. Ольга уже ждала с завтраком.

— Ваше высочество, — сказала она. — Вы сегодня какой-то бледный.

— Волнуюсь, Оленька. Скачки сегодня.

— Вы же отлично скачете. Чего волноваться?

— Всякое бывает, — ответил я. — Лошадь — не машина.

Я почти не ел. Мысли путались. Всё, что я знал из истории, всё, что готовил, все планы — всё зависело от сегодняшнего дня. Один неверный шаг, одно падение — и вся моя новая жизнь полетит под откос.

— Никса! — в комнату влетел Саша. — Ты готов? Едем?

— Едем, — сказал я, вставая.

Ипподром в Царском Селе был полон народу. Сам император с императрицей, великие князья, придворные, генералы, иностранные гости. Все ждали зрелища.

Я сидел в седле Зоркого и чувствовал, как подо мной играют мощные мышцы. Конь нервничал, перебирал ногами, косил глазом.

— Тихо, тихо, — шептал я, поглаживая его по шее. — Всё хорошо.

Рядом выстраивались другие всадники. Саша был среди зрителей — ему ещё не разрешали участвовать в скачках. Я видел его лицо в толпе — взволнованное, счастливое.

Прозвучал сигнал.

Я не стал рваться вперёд. Наоборот, придержал Зоркого, пропуская других. Пусть скажут, пусть борются. Моя задача — просто доехать до финиша. Живым и здоровым.

Зоркий не понимал, почему его сдерживают. Он храпел, мотал головой, пытался ускориться. Я держал, не давая воли.

— Тихо, мальчик, — шептал я. — Не надо геройства.

Мимо проносились всадники. Кто-то уже ушёл далеко вперёд. Зрители кричали, махали руками. Зоркий нервничал всё сильнее.

На повороте случилось то, чего я боялся.

Один из всадников впереди упал. Лошадь споткнулась, всадник вылетел из седла. Крик толпы, паника, лошади ша-рахаются.

Зоркий встал на дыбы.

Я знал, что это может случиться. Готовился. Вцепился в гриву, прижался к шее, стараясь удержать равновесие. Конь бил передними копытами в воздухе, крутился на месте.

— Тихо! — крикнул я что было сил. — Тихо, кому сказал!

И вдруг Зоркий послушался. Опустился на все четыре ноги, замер, дрожа всем телом. Я продолжал гладить его, шептать ласковые слова.

— Молодец, мальчик. Всё хорошо. Испугался? Я тоже. Но мы справились.

Скачки тем временем продолжались. Упавший всадник поднялся, отряхнулся — с ним было всё в порядке. Остальные уже приближались к финишу.

Я развернул Зоркого и шагом поехал обратно. Скачки для меня кончились. Главное — я остался в седле.

— Никса! — Саша бежал ко мне. — Ты в порядке? Я так испугался!

— В порядке, — ответил я. — В полном порядке.

Подошёл император.

— Молодец, сын. Хорошо держался. Мог бы и побороться за победу, но безопасность — важнее.

— Я так и подумал, папа.

Вечером, когда мы вернулись во дворец, я стоял у окна и смотрел на закат. Руки всё ещё дрожали — отходняк после адреналина.

— Ваше высочество, — Ольга подошла неслышно. — Вы живы. Я так боялась.

— Жив, Оленька. Жив и здоров.

— Это чудо, — сказала она. — Я молилась весь день.

— Спасибо, — ответил я. — Твои молитвы помогли.

Я смотрел на закат и думал о том, что главное испытание пройдено. Падения не случилось. Травмы не случилось. Дальше — новая история.

Впереди была целая жизнь.

Глава 4

Ускоряя время.

Осень 1860 года в Петербурге выдалась на редкость долгой и теплой. После тех самых скачек, едва не ставших для меня роковыми, я ходил сам не свой. Не от страха — от понимания, что история дала мне кредит. Я отмотал назад то, что должно было случиться, и теперь обязан был использовать это время с максимальной пользой.

— Ваше высочество, вы опять не спите, — Ольга появилась в дверях моей комнаты с неизменным подносом в руках. — Третью ночь сидите над бумагами. Так же нельзя, вы себя поберегите!

— Не могу иначе, Оленька. Время не ждет.

Она поставила поднос на стол, заглянула в мои записи.

— Что это?

— Письма, — ответил я. — Разным людям. Ученым, инженерам, изобретателям. Хочу, чтобы они приехали в Петербург, поговорили со мной, показали свои работы.

— Зачем?

— Затем, что у нас в России талантов не меньше, чем в Европе, — сказал я. — Только сидят по своим углам, не знают друг о друге, не обмениваются идеями. А вместе они могли бы сделать столько, что мир ахнет.

Ольга смотрела на меня с тем особенным выражением, которое появлялось у нее всякий раз, когда я говорил что-то, выходящее за пределы ее понимания. Не страх — скорее благоговение.

— Вы не простой, ваше высочество, — тихо сказала она. — Совсем не простой.

— Я такой же, как все, — усмехнулся я. — Просто знаю немного больше.

Первым откликнулся Якоби. Борис Семёнович приехал в Зимний через неделю после моего письма, взволнованный, с ворохом чертежей под мышкой.

— Ваше высочество, ваше письмо меня чрезвычайно за-

интересовало! — выпалил он с порога. — Вы пишете о передаче сигналов без проводов? Но это же...

— Это возможно, Борис Семёнович, — перебил я. — Садитесь, прошу вас. Давайте говорить спокойно.

Якоби сел, но продолжал нервно теревить бороду.

— Ваше высочество, я физик, я знаю, что электрическое поле распространяется в пространстве. Но как его уловить на расстоянии? Как заставить его нести информацию?

— А вы читали работы Фарадея? — спросил я.

— Конечно! Майкл Фарадей — гений. Но он теоретик, а я практик. Мне нужны приборы, схемы, расчеты.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда давайте подумаем вместе. Представьте себе: мы создаем колебания электричества в одном месте, в проводнике. Эти колебания порождают волны, которые распространяются в пространстве. В другом месте мы ставим такой же проводник — и волны наводят в нем ток. Слабый, очень слабый. Но если его усилить...

Якоби слушал, затаив дыхание.

— Усилить? Но чем? У нас нет усилителей.

— Есть, — сказал я. — Когерер. Трубка с металлическими опилками. Когда на нее попадает волна, опилки слипаются и пропускают ток. А если добавить реле и звонок, который будет встряхивать трубку после каждого сигнала...

Якоби вскочил.

— Ваше высочество! Откуда вы это знаете? Это же гениально!

Я улыбнулся про себя. Я знал это из учебников истории — когерер изобретут через несколько лет, и Попов будет его использовать. Но почему бы не ускорить процесс?

— Я читаю много, Борис Семёнович, — ответил я. — И много думаю. Скажите, у вас есть знакомые, которые могли бы заняться этой идеей практически?

Якоби задумался.

— Есть Павел Яблочков, — сказал он. — Ему двадцать три, он работает начальником телеграфа на Московско-Курской железной дороге. Очень способный инженер. И еще Дмитрий Лачинов, физик, он сейчас в Петербурге. Ну и еще

кое кто.

Яблочков! Тот самый, который изобретет дуговую лампу и прославится на весь мир. Ему действительно около двадцати сейчас. Лачинов тоже известное имя — профессор физики, автор трудов по электричеству.

— Пригласите их, Борис Семёнович, — сказал я. — Всех, кого считаете талантливыми. Я хочу с ними познакомиться. И хочу, чтобы они познакомились друг с другом.

Якоби поклонился.

— Ваше высочество, это будет сделано. Разрешите идти?

— Ступайте.

Когда он вышел, я откинулся в кресле и закрыл глаза. В голове крутились даты, имена, события. Попов, Маркони, Тесла — все они появятся позже. Но семена уже посеяны. И если я смогу их полить...

— Ольга! — позвал я.

Она появилась мгновенно.

— Слушаю, ваше высочество.

— Принеси-ка мне список всех научных обществ Петербурга. И еще — подшивку «Журнала Министерства народного просвещения» за последние пять лет. Хочу посмотреть, кто у нас в России чем занимается.

— Будет сделано.

Следующие недели я провел в изучении российской науки. Картина вырисовывалась любопытная. Талантов было много, но работали они разрозненно, каждый сам по себе. Не было системы, не было координации, не было понимания, что наука — это не просто удовлетворение любопытства, а производительная сила.

Я писал письма, встречался с людьми, задавал вопросы. Моя комната превратилась в штаб-квартиру неформального научного общества. Чичерин, наблюдая за моей активностью, только качал головой.

— Ваше высочество, вы слишком много времени уделяете естественным наукам, — говорил он. — Государственному человеку нужно знать историю, право, экономику. А физика

— это для инженеров.

— Борис Николаевич, — отвечал я, — через пятьдесят лет государственный человек, не понимающий физики, будет таким же беспомощным, как сегодня без знания латыни. Мир меняется.

— Вы слишком торопитесь, ваше высочество.

— Время не ждет.

В конце октября Якоби выполнил обещание. В моей гостиной собрались люди, о которых я читал в учебниках, но никогда не думал, что увижу живьем.

Павел Яблочков оказался высоким, худощавым молодым человеком с живыми глазами и быстрыми движениями. Говорил он быстро, взхлеб, перескакивая с темы на тему.

— Ваше высочество, я слышал, вы интересуетесь электричеством! Это замечательно! У меня есть идея — электрическое освещение, понимаете? Не газ, не свечи, а электричество! Я уже проводил опыты на железной дороге, но там нужны средства, нужна поддержка...

— Расскажите подробнее, — попросил я.

Яблочков развернул чертежи.

— Смотрите, ваше высочество. Я беру два угольных стержня, располагаю их параллельно, между ними — дуга. Ток заставляет угли гореть, и возникает яркий свет. Но угли быстро сгорают, нужно их сближать по мере сгорания. Это неудобно. Я думаю, можно сделать по-другому — поставить угли рядом, но разделить их слоем каолина, который будет испаряться и поддерживать дугу...

Я слушал и поражался. В 1860 году Яблочков уже думал о том, что через пятнадцать лет принесет ему мировую славу — о «свече Яблочкова». Гениальный самоучка, который в России не найдет поддержки и уедет в Париж.

— Павел Николаевич, — сказал я. — А вы думали о том, чтобы получать электричество не от батарей, а от генераторов? От динамо-машин?

Яблочков замер.

— Динамо-машин? Но они еще несовершенны, дают слабый ток.

— Будут совершенны, — сказал я. — Очень скоро. И тогда ваши лампы зажгут целые города. Только надо думать об этом уже сейчас.

В разговор вмешался Дмитрий Лачинов — плотный, бородатый мужчина с добрым лицом.

— Ваше высочество, вы правы. Я сам работаю над теорией передачи электричества на расстояние. Если мы научимся передавать энергию без проводов...

— Это сложнее, — перебил я. — Передача сигналов — да, возможна. А энергии — пока нет. Но кто знает, что будет через сто лет.

Лачинов посмотрел на меня с уважением.

— Вы мыслите масштабно, ваше высочество.

— Приходится, — усмехнулся я. — Россия — страна масштабная.

Разговор продолжался несколько часов. Мы говорили об

электричестве, о телеграфе, о новых машинах, о топливе. Я слушал, запоминал, иногда вставлял замечания, которые казались им гениальными, а были просто пересказом того, что я знал из будущего.

— Господа, — сказал я под конец. — Я хочу предложить вам одну вещь. Давайте создадим неформальный кружок. Будем встречаться, обмениваться идеями, помогать друг другу. Я могу обеспечить помещение, средства, доступ к литературе. А вы будете двигать науку вперед.

Они переглянулись.

— Ваше высочество, — осторожно спросил Яблочков. — А зачем вам это? Вы же наследник престола, у вас другие заботы.

— Нет, — ответил я. — Это и есть моя главная забота. Потому что сила России — не в армии и не в чиновниках. Сила России — в умах ее граждан. Если мы будем производить гениев, а не покупать их за границей, мы станем непобедимы.

Лачинов кивнул.

— Я согласен, ваше высочество.

— И я, — подхватил Яблочков.

— Тогда договорились. Первое собрание — через месяц. Я пришлю приглашения.

Когда они ушли, я сидел и смотрел на догорающие свечи. В голове крутились мысли о том, что я только что создал нечто вроде прообраза будущего Физико-технического института. Лет на пятьдесят раньше времени.

Ольга принесла ужин и застала меня задумчивым.

— Ваше высочество, вы опять не ели целый день.

— Ел, Оленька, ел. Не помню что, но ел.

Она покачала головой.

— Вы себя не бережете. Все эти ученые, разговоры... Зачем вам столько?

— Затем, что я хочу изменить мир, — сказал я. — Хочу, чтобы через сто лет люди жили лучше, чем сейчас. Чтобы не

умирали от болезней, которые можно лечить. Чтобы могли говорить друг с другом за тысячи верст. Чтобы ездили не на лошадях, а на машинах.

Ольга слушала, раскрыв рот.

— Разве такое возможно?

— Возможно, Оленька. Обязательно возможно. И я хочу, чтобы Россия была первой.

Она помолчала, потом тихо спросила:

— А я? Я буду жить при этом?

— Будешь, — улыбнулся я. — Ты еще молодая. Увидишь многое.

Зима 1860-61 годов прошла в лихорадочной активности. Я встречался с десятками людей — учеными, инженерами, изобретателями, промышленниками. Моя картотека росла, записи множились, идеи наслаивались одна на другую.

В январе ко мне пришел человек, которого я ждал особен-

но — Пафнутий Львович Чебышев, знаменитый математик, профессор Петербургского университета.

— Ваше высочество, — поклонился он. — Я наслышан о вашем интересе к науке. Чем могу быть полезен?

— Пафнутий Львович, — сказал я, — я читал ваши работы по теории механизмов. Вы занимаетесь созданием машин, которые могут выполнять сложные движения. Скажите, а можно ли создать машину, которая будет считать? Не просто складывать числа, а выполнять любые арифметические операции по заданной программе?

Чебышев удивленно поднял брови.

— Считать? Как человек?

— Да. Как человек, только быстрее и без ошибок.

— Интересная мысль, — задумчиво сказал он. — Механизмы Бэббиджа... Вы знаете о работах Чарльза Бэббиджа?

— Знаю, — кивнул я. — Аналитическая машина. Но она так и не построена.

— Не построена, — согласился Чебышев. — Потому что

техника не позволяет. Нужны очень точные детали, очень сложные передачи. Но если подумать... если использовать не зубчатые колеса, а что-то другое...

— А что, если использовать электричество? — спросил я. — Электромагнитные реле. Они могут включаться и выключаться, пропускать ток или не пропускать. Если сделать много таких реле и соединить их определенным образом...

Чебышев смотрел на меня с изумлением.

— Ваше высочество, откуда у вас такие мысли?

— Из книг, Пафнутий Львович. Из книг и размышлений.

— Это гениально, — сказал он. — Абсолютно гениально. Если соединить реле в цепь, где каждое следующее срабатывает от предыдущего, можно моделировать логические операции. Да, да, я вижу это!

— Вы сможете этим заняться? — спросил я.

— Смогу, — твердо сказал он. — И найду учеников, которые продолжат.

Чебышев ушел, а я смотрел ему вслед и думал о том, что

компьютерная эра может начаться на пятьдесят лет раньше.
Если не на сто.

В феврале я получил письмо из Москвы. От профессора Николая Алексеевича Умова, физика, который занимался теорией электромагнитного поля.

«Ваше высочество, — писал он. — До меня дошли слухи о ваших встречах с учеными в Петербурге. Я позволяю себе предложить вам свою переписку и, если будет возможность, личную встречу. Занимаюсь я вопросами распространения энергии в пространстве и полагаю, что мои изыскания могут быть вам интересны».

Я ответил немедленно, приглашая Умова в Петербург. Через две недели мы встретились.

Николай Алексеевич оказался молодым человеком лет тридцати, с умным, внимательным взглядом. Говорил он тихо, но каждое слово было весомым.

— Ваше высочество, — начал он. — Я изучал работы Максвелла и пришел к выводу, что свет — это тоже электромагнитные волны. Но если так, то должны существовать вол-

ны другой длины — невидимые глазу, но способные проходить сквозь препятствия.

— Вы абсолютно правы, — сказал я. — И эти волны можно использовать для передачи сигналов.

Умов оживился.

— Вы тоже так думаете? Я писал об этом в своих статьях, но меня считают фантазером.

— Фантазеры двигают науку, Николай Алексеевич. Без фантазии нет открытий.

— Но как генерировать такие волны? — спросил он. — Как сделать так, чтобы они были достаточно мощными?

— Для начала — использовать искровой разрядник, — ответил я. — Разряд конденсатора создает колебания. А антенна излучает их в пространство.

— Антенна? Что это?

— Провод, поднятый высоко над землей. В книге я читал об этом, — соврал я. — Чем выше провод, тем лучше излучение.

Умов записывал, не поднимая головы.

— Ваше высочество, я должен проверить это на опыте. Мне нужно оборудование, лаборатория...

— Будет, — пообещал я. — Я поговорю с отцом. Мы создадим при Академии наук специальную лабораторию для изучения электромагнитных волн. Вы согласны ею руководить?

Умов поднял на меня сияющие глаза.

— Согласен ли я? Ваше высочество, это честь для меня!

В марте я добился аудиенции у отца. Александр Второй слушал меня с интересом, но и с некоторым сомнением.

— Никса, я понимаю твое увлечение наукой, — сказал он. — Это похвально. Но зачем такие траты? Лаборатория, оборудование, жалованье ученым — это тысячи рублей.

— Папа, — сказал я горячо. — Через двадцать лет эти тысячи обернутся миллионами. Если мы не будем развивать

науку, нас обгонят европейцы. И тогда мы будем покупать их технологии, их машины, их оружие. А если мы создадим свое — будем продавать.

Отец задумался.

— Ты слишком молод, чтобы так рассуждать, — сказал он. — Но в твоих словах есть резон. Хорошо, я дам разрешение. Но с условием — ты будешь отчитываться мне лично о каждом потраченном рубле.

— Спасибо, папа!

— И еще, — добавил он. — Не забывай о других науках. История, право, языки — это тоже важно.

— Не забуду, папа. Обещаю.

Лаборатория открылась в мае. Разместили ее в здании Академии наук, выделили несколько комнат, закупили оборудование. Умов стал заведующим, Яблочков — его помощником. Якоби обещал консультировать.

На открытие собрался весь цвет петербургской науки. Че-

бышев, Ленц, Струве, Куторга — имена, которые я знал из учебников, теперь стояли передо мной живые.

— Ваше высочество, — сказал Умов, перерезая ленточку. — Мы сделаем все, чтобы оправдать ваше доверие. Россия будет первой в изучении электромагнитных волн.

Я улыбался и кивал, а сам думал о том, что через тридцать пять лет Попов действительно сделает Россию первой. Если, конечно, к тому времени не случится революция, не развалится империя, не погибнет все, что мы создаем.

— Господа, — сказал я, обращаясь к собравшимся. — Я хочу сказать вам одну вещь. Наука — это не просто знание. Это сила. Это возможность делать жизнь лучше. Это будущее нашей страны. Я верю, что вместе мы сможем изменить Россию. Сделать ее не только великой державой, но и великой цивилизацией. Спасибо, что вы здесь.

Они аплодировали. А я стоял и думал о том, что, может быть, у меня действительно получится.

Летом 1861 года произошло событие, которое всколыхнуло всю Россию — отмена крепостного права. Манифест 19

февраля был оглашен в церквях, зачитан на площадях, обсуждаем везде — от дворцов до крестьянских изб.

Я слушал чтение манифеста в Зимнем, стоя рядом с отцом. Он был бледен, но держался твердо.

— Никса, — шепнул он мне. — Это только начало. Самое трудное впереди.

— Я знаю, папа.

— Ты понимаешь, что теперь будет?

— Понимаю. Крестьяне недовольны, что земли мало. Помещики недовольны, что землю отобрали. Революционеры будут подстрекать к бунту. Нам нужно быть готовыми.

Отец посмотрел на меня с удивлением.

— Откуда ты это знаешь?

— Из книг, папа. И из разговоров с умными людьми.

— Ты прав, — вздохнул он. — Во всем прав. Но выбора у нас не было. Если бы мы не отменили крепостное право сверху, его отменили бы снизу. Кровью.

— Я знаю, папа. Вы сделали правильно.

После церемонии ко мне подошел Чичерин.

— Ваше высочество, — сказал он тихо. — Теперь начинается настоящая работа. Реформа — это не бумага. Реформа — это десятки лет труда. Крестьян надо поднимать, учить, приучать к свободе. Помещиков надо успокаивать, заставлять работать по-новому. Чиновников — контролировать, чтобы не воровали.

— Я готов, Борис Николаевич.

— Готовы, — кивнул он. — Я вижу. Но одной готовности мало. Нужно знание. Много знания. И терпение.

В августе я снова встретился с Яблочковым. Он приехал из лаборатории возбужденный, с какими-то бумагами в руках.

— Ваше высочество! Получилось! — закричал он с порога. — Мы смогли передать сигнал!

Я замер.

— Какой сигнал?

— Электрический! От одного прибора к другому, на расстоянии тридцать саженей! Без проводов!

Я смотрел на него, не веря своим ушам. Радио? В 1861 году? Это невозможно. Или...

— Рассказывайте, Павел Николаевич!

Яблочков разложил бумаги.

— Мы с Николаем Алексеевичем делали опыты с искровым разрядником, как вы советовали. Подняли провод на крышу, второй провод — в другом конце двора. Когда пускали искру, стрелка прибора отклонялась! Правда, слабо, но отклонялась!

— А передавали что-нибудь осмысленное?

— Пока нет. Сигнал слишком слабый. Но главное — мы доказали, что это возможно!

Я сел в кресло, пытаюсь осмыслить услышанное. Если они

действительно передали сигнал на тридцать саженей — это на десять метров, — то это еще не радио в полном смысле. Но сам факт! На тридцать четыре года раньше Попова!

— Павел Николаевич, — сказал я. — Это грандиозно. Но никому не говорите пока. Продолжайте работать, улучшайте приборы. И записывайте все — даты, результаты, условия опытов. Это важно для истории.

— Для истории? — удивился он.

— Да. Потому что вы только что сделали шаг к величайшему изобретению века.

Яблочков ушел окрыленный. А я сидел и думал о том, что история действительно пошла по другому пути. Еще немного — и радио появится на полвека раньше. А значит, и все, что с ним связано — радиосвязь, радиовещание, электроника — тоже сдвинется в прошлое.

Что из этого выйдет — я не знал. Но чувствовал, что игра стоит свеч.

Осенью я познакомился еще с одним замечательным че-

ловеком — Владимиром Николаевичем Чиколевым, инженером-электриком, который занимался дуговыми лампами и прожекторами.

— Ваше высочество, — говорил он, показывая свои чертежи. — Я думаю, что электрический свет можно использовать не только для освещения городов, но и для военных целей. Представьте себе прожектор, который освещает поле боя ночью! Враг будет как на ладони.

— Отличная идея, Владимир Николаевич, — сказал я. — А вы думали о том, чтобы сделать прожектор вращающимся? Чтобы он мог освещать разные направления?

— Думал, — кивнул он. — Но там сложности с передачей тока на вращающуюся часть.

— А если использовать скользящие контакты? — предложил я. — Щетки, которые трутся о кольца?

Чиколев задумался.

— Это можно попробовать, — сказал он. — Я сделаю модель.

Через месяц он привез готовый прожектор. Маленький,

но работающий. Луч света метался по комнате, выхватывая из темноты то портреты предков, то тяжелые драпировки, то лица присутствующих.

— Гениально! — воскликнул Саша, который присутствовал при демонстрации. — Никса, это же можно на корабли поставить!

— Можно, — согласился я. — И на крепости. И на железную дорогу.

Чиколев сиял.

— Ваше высочество, спасибо вам за идею! Я никогда бы не додумался до скользящих контактов.

— Пустяки, — отмахнулся я. — Главное — вы сделали.

В декабре ко мне пришел необычный посетитель. Молодой человек в простом сюртуке, с умным, но каким-то затравленным взглядом.

— Ваше высочество, — сказал он, — меня зовут Иван Федорович Александровский. Я художник, но увлекаюсь меха-

ником. Я изобрел подводную лодку.

Я чуть не поперхнулся чаем. Подводная лодка? В 1861 году? В России?

— Рассказывайте, Иван Федорович.

Александровский развернул чертежи. Лодка была деревянной, с металлическими балластными цистернами, с двигателем на сжатом воздухе, с экипажем из нескольких человек.

— Я предлагаю ее военному ведомству, — говорил он. — Но меня не слушают, смеются. Говорят, что подводное плавание невозможно, что человек не может дышать под водой, что...

— Иван Федорович, — перебил я. — Ваша идея — гениальна. Подводные лодки будут, и они изменят войну на море. Но ваша конструкция... она несовершенна.

Он сник.

— Я знаю, ваше высочество. У меня нет средств на опыты, нет хороших материалов...

— Я помогу, — сказал я. — Но сначала вы должны кое-что изменить. Во-первых, двигатель. Сжатого воздуха хватит ненадолго. Нужен другой источник энергии. Я думаю, можно использовать электромотор.

— Электромотор?

— Да. И аккумуляторы. Батареи, которые можно заряжать на базе. Тогда лодка сможет ходить под водой часами.

Александровский смотрел на меня с изумлением.

— Но таких батарей нет, ваше высочество.

— Будут, — сказал я уверенно. — Якоби работает над ними. Через год-два появятся.

— А что еще?

— Во-вторых, вооружение. Пушки под водой бесполезны. Нужны торпеды — самодвижущиеся мины, которые выпускаются из труб и плывут к цели.

— Торпеды? — переспросил он. — Как это?

— Представьте себе сигару с двигателем и винтом. На но-

су — заряд взрывчатки. Лодка выпускает такую сигару, и она плывет прямо, пока не попадет во врага.

Александровский записывал, не поднимая головы.

— Ваше высочество, вы гений!

— Нет, — усмехнулся я. — Просто много читаю. И много думаю о будущем.

Мы проговорили до вечера. Я рассказал ему о принципах работы торпед, о перископах, о системах регенерации воздуха. Он слушал, раскрыв рот, и записывал.

— Иван Федорович, — сказал я на прощание. — Делайте лодку. Я добьюсь, чтобы вам дали средства. И помните — через двадцать лет подводный флот будет такой же важной частью флота, как и надводный.

— Я сделаю, ваше высочество, — пообещал он. — Обязуюсь сделать.

Новый, 1862 год мы встречали в тесном семейном кругу. Отец был усталым — реформа отняла много сил. Мать вы-

глядела озабоченной — в Европе назревали какие-то конфликты. Саша был весел и беззаботен, как всегда.

— Никса, — сказал он, когда мы остались вдвоем. — Ты стал совсем другим. Раньше мы больше играли, больше смеялись. А теперь ты все с какими-то учеными, все с книгами.

— Вырос, Саша. Повзрослел.

— А мне с тобой скучно, — пожаловался он. — Ты все время занят.

Я обнял его.

— Прости, брат. Но так надо. Понимаешь, если я не сделаю то, что задумал, потом будет поздно. Очень поздно.

— А что ты задумал?

— Спасти Россию, — просто ответил я. — Спасти всех нас.

Саша посмотрел на меня серьезно.

— Тогда я буду помогать, — сказал он. — Чем смогу.

— Помогай, — улыбнулся я. — Учись, читай, думай. Это самая лучшая помощь.

Мы сидели у окна и смотрели на салют. В небе взрывались разноцветные огни, отражаясь в снегу.

— Красиво, — сказал Саша.

— Красиво, — согласился я. — И пусть так будет всегда.

В январе пришло известие, которое меня потрясло. В Лондоне умер принц Альберт, муж королевы Виктории. Ему было всего сорок два. Казалось бы, какое мне дело до английского принца? Но я знал, что его смерть изменит ход европейской истории. Виктория уйдет в траур на десятилетия, Англия замкнется в себе, а это повлияет на баланс сил в Европе.

— Ваше высочество, — Ольга застала меня задумчивым.
— Вы о чем-то грустите?

— Об Англии, Оленька. Об истории. О том, как случайности меняют судьбы народов.

Она не поняла, но кивнула.

— Вы странный, ваше высочество. Всегда думаете о чем-то далеком.

— О будущем, Оленька. Только о будущем.

В феврале я снова встретился с Умовым. Он показал мне новые результаты.

— Ваше высочество, мы добились устойчивой передачи сигнала на сто саженей! — радостно сообщил он. — И научились различать точки и тире.

— Покажите!

Мы пошли в лабораторию. Умов установил передатчик в одной комнате, приемник — в другой. Нажал ключ — и на ленте приемного аппарата поползли точки и тире.

— Что это? — спросил я.

— Просто тестовый сигнал, ваше высочество. Мы пока не умеем передавать осмысленные сообщения.

— Научитесь, — сказал я. — Обязательно научитесь. А теперь представьте, что такие аппараты стоят на кораблях. Капитан может связаться с берегом, с другими кораблями, с адмиралом. Как изменится управление флотом!

Умов кивнул.

— Я думал об этом, ваше высочество. Но пока наш аппарат слишком громоздкий и ненадежный.

— Значит, надо делать меньше и надежнее. И быстрее. Время не ждет.

В марте я познакомился с человеком, который занимался совсем другой областью — химией. Александр Абрамович Воскресенский, профессор Петербургского университета, учитель Менделеева.

— Ваше высочество, — говорил он. — Химия — это будущее промышленности. Из каменного угля мы можем получать красители, лекарства, взрывчатку. Из нефти — керосин, масла, и еще бог знает что.

— А из нефти можно делать топливо для двигателей? — спросил я.

— Для каких двигателей?

— Для таких, где топливо сгорает внутри цилиндра, а не снаружи.

Воскресенский задумался.

— Теоретически — да. Нефть можно перегонять, получать легкие фракции, которые будут испаряться и воспламеняться. Но таких двигателей пока нет.

— Будут, — уверенно сказал я. — Обязательно будут. И тогда нефть станет важнее угля.

— Вы так думаете?

— Я знаю, Александр Абрамович. Знаю.

Воскресенский посмотрел на меня с уважением.

— Ваше высочество, вы мыслите не по годам. Откуда в вас эта прозорливость?

— Из книг, — улыбнулся я. — Из книг и наблюдений.

Апрель принес новые встречи. Я познакомился с Павлом Петровичем Мельниковым, инженером-путейцем, который строил железную дорогу Петербург-Москва. С Аполлоном Александровичем Скальковским, горным инженером, исследователем Урала. С Федором Федоровичем Петрушевским, физиком, занимавшимся оптикой.

Каждый из них был талантлив по-своему. Каждый мог бы сделать для России много, если бы имел поддержку. И я старался дать им эту поддержку — словом, деньгами, связями.

— Ваше высочество, — сказал мне однажды Чичерин. — Вы создаете вокруг себя целое движение. Люди едут в Петербург, чтобы встретиться с вами. Это хорошо, но это опасно.

— Чем опасно, Борис Николаевич?

— Тем, что у вас появляются враги. Те, кому не нравится ваша активность. Консерваторы, которые считают, что наследник не должен заниматься наукой. Чиновники, которые боятся, что вы отберете у них власть. Интриганы, которые всегда есть при дворе.

— Я знаю, — кивнул я. — Но не могу иначе. Если я не буду двигать науку, кто будет?

— Может быть, она и так двинется, своим ходом?

— Не успеет, — покачал я головой. — Россия отстает. Мы должны наверстывать, и быстро. Иначе нас сомнут.

Чичерин вздохнул.

— Вы упрямы, ваше высочество.

— Я русский, — усмехнулся я. — Это одно и то же.

Май я провел в поездках. Строганов организовал мне тур по заводам Петербургской губернии. Я смотрел, как льют чугуны, как кууют железо, как собирают машины. Говорил с мастерами, с инженерами, с рабочими.

— Тяжело? — спросил я одного старого литейщика.

— Тяжело, барин, — ответил он, вытирая пот с лица. — Но работаем. Куда ж денешься?

— А платят сколько?

— Кто сколько. Я, например, тридцать рублей в месяц получаю. Квартира казенная, харчи хозяйские. Жить можно.

— А сыновья где?

— Старший со мной работает, средний в ученье, младший пока дома.

— Грамотный?

— Я нет, а сыновья — да. Старшего в школу отдавал, теперь читать умеет. Для работы полезно.

Я смотрел на этого человека и думал о том, что через пятьдесят лет такие люди станут костяком рабочего класса. И если их не просветить, не дать им образования, они пойдут за любым агитатором.

— Спасибо, — сказал я. — За работу спасибо.

Он поклонился, удивленный, что наследник разговаривает с ним как с равным.

Лето 1862 года выдалось тревожным. В Петербурге начались пожары, подожгли Апраксин двор, поползли слухи о поджигателях-нигилистах. Арестовали Чернышевского, закрыли «Современник». В воздухе пахло революцией.

Я сидел в своей комнате и писал дневник.

«Сегодня 15 июня 1862 года. В стране неспокойно. Реформа дала крестьянам свободу, но не дала земли. Революционеры недовольны, консерваторы тоже. Отец мечется между реформами и реакцией. А я сижу здесь, в Зимнем, и думаю о том, как спасти эту страну от нее самой.

Мои ученые работают. Яблочков и Умов передали сигнал уже на версту. Александровский строит подводную лодку. Чебышев создает теорию механизмов. Воскресенский исследует нефть. Если так пойдет дальше, через десять лет Россия обгонит Европу в техническом развитии.

Но успеем ли мы? Хватит ли нам времени? Революция может грянуть раньше, чем мы подготовимся.

Я должен быть готов ко всему. И защитить тех, кто мне доверяет».

Я закрыл тетрадь и посмотрел в окно. Над Невой сгустились сумерки. Где-то в городе горели огни — то ли фонари, то ли пожары.

— Ольга! — позвал я.

— Да, ваше высочество.

— Завтра мы едем в Царское Село. Собирай вещи.

— Надолго?

— Не знаю. На всякий случай.

Она кивнула и вышла. А я остался один на один со своими мыслями.

Впереди было еще много лет. Много встреч, много открытий, много борьбы. Но главное — я был не один. Со мной были те, кто верил в будущее России. И вместе мы могли свернуть горы.

Или хотя бы попытаться.

Продолжение следует...

Глава 5

Трехлинейка, дизель и станки

Зима 1862 года выдалась в Петербурге на редкость холодной. Я сидел в своей комнате, закутавшись в плед, и смотрел на танцующие в камине языки пламени.

В голове крутились мысли, которые не давали покоя уже несколько месяцев. Трехлинейка. Винтовка Мосина. Оружие, которое будет стоять на вооружении русской армии полвека, переживет две войны и три революции. Легендарная «трёха», которую я держал в руках в школьном тире, разбирал и собирал на уроках НВП.

Если бы её удалось создать сейчас, на двадцать лет раньше, с каким оружием русская армия пошла бы на Балканы в 1877-м? А если бы удалось внедрить станки, на которых её делать — те самые фрезерные и токарные, на которых я работал в школьной мастерской?

— Ваше высочество, — Ольга вошла с подносом, — вы опять не спали. Глаза красные.

— Думал, Оленька. Думал.

— О чём же можно думать всю ночь?

— О будущем, — ответил я. — О том, как сделать его лучше.

Она покачала головой, но ничего не сказала. За последние два года она привыкла к моим странностям.

— Ольга, — спросил я вдруг. — А ты знаешь, что такое винтовка?

— Конечно, ваше высочество. Это ружьё такое, длинное. Солдаты из него стреляют.

— А из чего её делают?

— Из железа, наверное. Я не знаю.

— Из стали, Оленька. Из специальной стали. И делают её на станках. Токарных, фрезерных. Таких машин, которые режут металл, как масло.

Она посмотрела на меня непонимающе.

— Зачем вам это, ваше высочество? Вы же наследник, вам

не надо станки знать.

— Надо, Оленька. Очень надо. Потому что если я не буду знать, как делается оружие, то не смогу понять, почему его не хватает, когда начинается война.

Утром я попросил аудиенции у отца. Александр Второй принял меня в своём кабинете — огромном, заваленном бумагами, с портретами предков на стенах.

— Никса, — устало сказал он. — Ты опять с какими-то идеями? Я слышал, ты ночи напролёт сидишь с чертежами.

— Да, папа. У меня есть важное предложение.

— Говори.

Я глубоко вздохнул.

— Папа, наше стрелковое оружие устарело. Винтовки, которыми вооружена армия — это вчерашний день. Американцы уже делают нарезные, заряжающиеся с казны. У французов есть игольчатые винтовки. А у нас — всё ещё дульнозарядные, с бумажными патронами.

Отец нахмурился.

— Мы закупили партию винтовок Карле. Переделываем старые.

— Мало, папа. Очень мало. И качество не то. Нам нужно своё оружие. Русское. Лучшее в мире.

— И ты знаешь, как его сделать?

— Знаю, — твёрдо сказал я. — Я помню чертежи. Одной винтовки, которая будет стрелять на тысячу шагов, не бояться грязи, разбираться за минуту. И делать её можно будет на станках, которые я тоже помню.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

— Откуда, Никса? Откуда ты это знаешь?

Я был готов к этому вопросу.

— Помните, я болел два года назад? У меня была горячка. И во сне мне будто показывали чертежи. Много чертежей. Я думал, это бред. Но потом начал рисовать по памяти — и получается. Видимо, Господь надомил.

Отец перекрестился.

— Чудны дела Твои, Господи... — пробормотал он. — Хорошо, сын. Рисуй свои чертежи. Я дам тебе людей — лучших оружейников, инженеров. Если получится — благословлю. Если нет — хоть попытаемся.

— Спасибо, папа.

— Только не зарывайся, — добавил он. — Учёба — прежде всего. Чичерин жалуется, что ты прогуливаешь его лекции.

— Я наверстаю, папа. Обещаю.

Через неделю в моей приёмной собрались люди, которых я вызвал через военное министерство. Андрей Александрович, начальник Тульского оружейного завода. Полковник Горлов, известный оружейник. Капитан Гуниус, специалист по нарезному оружию. И молодой штабс-капитан Сергей Иванович Мосин.

Я замер, увидев Мосина. Того самого, который через два-

дцать девять лет создаст легендарную трёхлинейку. Сейчас ему было всего тринадцать — он учился в кадетском корпусе. А в кабинете стоял совсем другой человек.

— Сергей Иванович, — спросил я осторожно, — вы не родственник капитана Мосина из Тулы?

— Есть такой родственник, а что?

— Ничего, — улыбнулся я. — Просто слышал, что у него сын подаёт большие надежды.

— Сашка? — рассмеялся капитан. — Ему тринадцать, какие надежды? Хотя учится хорошо, это правда.

Я кивнул. Значит, Мосин ещё ребёнок. А отцу, возможно, суждено сыграть свою роль раньше, чем в той истории.

— Господа, — сказал я, раскладывая чертежи на столе. — Прошу взглянуть.

Они склонились над бумагами. Я рисовал несколько ночей, напрягая память до предела. Школьный тир, уроки НВП, разобранный винтовка Мосина — все детали, все размеры всплывали в голове, как будто я держал чертёж перед глазами.

— Что это, ваше высочество? — спросил начальник Тульского завода.

— Винтовка, — ответил я. — Калибр — три линии, то есть 7,62 миллиметра. Магазин на пять патронов. Затвор скользящий, поворотный. Прицел секторный, на тысячу шагов.

— Три линии? — переспросил Горлов. — Но у нас принят калибр в четыре линии. Зачем меньше?

— Меньше калибр — легче пуля, — объяснил я. — Значит, можно носить больше патронов. И настильность траектории лучше. И отдача меньше. И металла экономия.

Они переглянулись.

— А магазин? — спросил Гуниус. — Мы пробовали магазинные винтовки. Они ненадёжны, механизмы заедают от грязи.

— Посмотрите на этот затвор, — показал я. — Он закрыт сверху ствольной коробкой. Грязь не попадёт. И магазин не выступает снизу — патроны в нём в один ряд, утоплены в приклад.

— Необычно, — пробормотал Горлов. — Очень необычно.

Я терпеливо объяснял каждую деталь. Затвор, выбрасыватель, отражатель, спусковой механизм. Они слушали, задавали вопросы, спорили.

— Ваше высочество, — сказал наконец начальник завода. — Это гениально. Но чтобы сделать такую винтовку, нужны станки. Очень точные станки. У нас таких нет.

— Будут, — пообещал я. — Я и над этим работаю.

На следующий день я вызвал к себе механиков. Их было трое — Павел Осипович, мастер с Путиловского завода, Иван Кузьмич, самоучка из Тулы, и молодой инженер Николай Ильич, только что вернувшийся из Англии.

— Господа, — сказал я. — Я покажу вам чертежи станков. Скажите, сможете ли вы их сделать.

Я разложил новые листы. Токарный станок 1К62. Тот самый, на котором я работал в школьной мастерской в кон-

це восьмидесятых годов двадцатого века. Коробка скоростей, продольная и поперечная подача, резцедержатель, задняя бабка. Всё, как я помнил с уроков труда.

Механики склонились над чертежами.

— Господи помилуй, — прошептал Павел Осипович. — Что это за чудовище?

— Токарный станок, — ответил я. — С коробкой передач. Можно менять скорость вращения шпинделя, не переставляя ремни. Подача суппорта автоматическая, от ходового вала.

— Автоматическая? — переспросил Иван Кузьмич. — Как это?

Я показал на чертеже.

— Вот ходовой вал, он вращается от шпинделя. На нём — шестерни разного диаметра. Перемещая их, меняем скорость подачи.

— А это что? — ткнул пальцем Николай Ильич.

— Фартук суппорта. Внутри — механизм включения по-

дачи. Здесь — речная передача для ручного перемещения.

Они молчали, переваривая увиденное.

— Ваше высочество, — сказал наконец Павел Осипович.

— Такого станка нет нигде в мире. Даже у англичан.

— Будет у нас, — ответил я. — Сделаете?

— Попробуем, — неуверенно сказал он. — Но детали нужны очень точные. Зубчатые колёса, винты... У нас нет машин, чтобы такое делать.

— А если сделать сначала простые станки, а на них — эти? — предложил я.

— Можно, — задумался Иван Кузьмич. — Можно попробовать. Года за два, наверное, управимся.

— Два года — это хорошо, — кивнул я. — Начинайте завтра. Средства будут, помещение — тоже. Я договорюсь.

— А фрезерный? — спросил Николай Ильич, глядя на другой лист. — Тут ещё какие-то чертежи.

— Фрезерный станок, — подтвердил я. — Для обработки

плоскостей, пазов, шлицев. У него тоже есть коробка скоростей и механическая подача.

Они переглянулись.

— Ваше высочество, — осторожно спросил Павел Осипович. — Откуда у вас это всё? Такие чертежи, такие идеи...

— Книги, — улыбнулся я. — Много книг. И память хорошая.

Механики ушли, унося чертежи как величайшую драгоценность. Я остался один и вдруг почувствовал страшную усталость. Неделя без сна, постоянное напряжение, страх ошибиться — всё это навалилось разом.

— Ваше высочество, — Ольга появилась с чаем. — Вы спать ложитесь. Завтра новый день.

— Спать, — согласился я. — Только спать.

Я лёг, но уснуть не мог. Перед глазами стояли чертежи, лица механиков, винтовка, станки. Получится ли? Смогут ли они, с их кустарным оборудованием, сделать то, что требо-

вало точности до сотых долей миллиметра?

— Господи, — прошептал я в темноту. — Помоги. Дай мне время.

Прошло три месяца. Я метался между учёбой, встречами с учёными и поездками на завод. Отец ворчал, но не запрещал. Чичерин качал головой, но терпел. А в мастерских на окраине Петербурга кипела работа.

В мае 1863 года я впервые увидел готовый станок. Он стоял посреди цеха — тяжёлый, стальной, пахнущий маслом и металлом.

— Получилось, ваше высочество, — Павел Осипович сиял. — Сделали.

Я подошёл, провёл рукой по станине. Надвинул конусное подключение ременной передачи от общей линии — станок ожил, загудел, завращался шпиндель.

— Давай попробуем, — сказал я.

Механик установил заготовку, закрепил резец, включил

подачу. Металл завизжал, отлетела стружка — тонкая, блестящая. Станок работал ровно, без вибрации.

— Красота, — выдохнул я. — Настоящая красота.

— Теперь на этом станке можно делать детали для других станков, — сказал Иван Кузьмич. — И для винтовок тоже.

— Для винтовок, — кивнул я. — Как там с ними?

— Пробуем, ваше высочество. Горлов с Гуниусом уже три образца сделали. Но всё не то.

— Поеду посмотрю.

На Тульском оружейном заводе меня встречали с почётом. Горлов и Гуниус выстроили на столе три винтовки — деревянные макеты, ещё без металла.

— Ваше высочество, — докладывал Горлов. — Мы сделали по вашим чертежам. Затвор работает, магазин — тоже. Но проблемы есть.

— Какие?

— Патрон, — вздохнул Гуниус. — У нас нет подходящего патрона. Бумажные гильзы рвутся в магазине, металлических нет. А если делать металлические, нужен капсюль, нужна технология...

— Металлические гильзы, — задумался я. — Да, это проблема. Но решаемая.

Я вспомнил из истории: первые металлические патроны появились в 1860-х. Французы, немцы, американцы — все экспериментировали.

— А если взять за основу патрон системы Бердана? — предложил я. — Цельнометаллическая гильза, капсюль центрального боя.

— Бердана? — переспросил Горлов. — Американца? Но у него винтовка однозарядная.

— Патрон — да, хороший. Можно сделать такой же, но под наш калибр.

— Сделаем, ваше высочество. Нужно только время и медь.

— Медь будет, — пообещал я. — Делайте.

Осенью 1863 года случилось то, что заставило всех заговорить о моих экспериментах. На полигоне под Петербургом испытывали новую винтовку. Присутствовали военный министр, генералы, сам император.

Я стоял рядом с отцом и смотрел, как солдаты стреляют из трёх образцов. Первый давал осечку за осечкой. Второй заклинило после пятого выстрела. А третий — сделал двадцать выстрелов без единой задержки.

— Что это за винтовка? — спросил император.

— Моя, — ответил я. — Та, что я чертил.

— Подойди, покажи.

Я подошёл, взял винтовку в руки. Знакомое до боли ложе, приклад, магазин. Как в школьном тире.

— Смотри, папа. Затвор открывается поворотом рукоятки. Движением назад выбрасывается гильза. Вперёд — досылается новый патрон. Поворот — запираение. И можно стре-

лять.

— Пять патронов в магазине?

— Пять. А можно снаряжать по одному, если открыть затвор.

Отец взял винтовку, прицелился.

— Легкая, — удивился он. — И приклад удобный.

— Я старался, папа.

— Сколько может стоить такая винтовка?

— Если делать на новых станках — рублей двадцать, не больше. Старые винтовки дороже.

Военный министр Милютин подошёл ближе.

— Ваше величество, разрешите мне? — Он взял винтовку, осмотрел, разобрал. — Гениально, ваше высочество. Просто гениально. Мало деталей, легко разбирать, надёжно. Где вы взяли чертежи?

— Нарисовал сам, — скромно ответил я. — Помогали

Горлов и Гуниус.

— Надо запускать в производство, — твёрдо сказал Милютин. — Чем быстрее, тем лучше.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты уверен, Никса?

— Уверен, папа. Эта винтовка прослужит полвека.

Винтовку приняли на вооружение в начале 1864 года. Назвали её «винтовка системы наследника цесаревича», но я настоял, чтобы добавили имена Горлова и Гуниуса. В документах она значилась как «трёхлинейная винтовка обр. 1864 года».

Заводы переходили на новые станки. Токарные 1К62, которые мы успели назвать «николаевскими», выпускали десятками. Фрезерные пока были в единичных экземплярах, но работали безотказно.

А я думал о следующем шаге. О двигателе, который изменит мир.

Дизель.

Рудольф Дизель родится через пять лет. Его двигатель появится только в конце века. А если сделать его сейчас? Если использовать то, что я знаю из учебников?

Я сидел над чертежами и вспоминал принцип работы дизельного двигателя. Сжатие воздуха до высокого давления, нагрев до температуры воспламенения, впрыск топлива, расширение газов. Всё просто, если знать. Но как объяснить это инженерам, которые никогда не видели ничего подобного?

В мае 1864 года я вызвал к себе самых толковых механиков и инженеров. Кроме Павла Осиповича и Ивана Кузьмича, приехал Николай Оттович, немец из Риги, работавший на машиностроительном заводе, и молодой талантливый инженер Александр Гаврилович, только что окончивший Петербургский технологический институт.

— Господа, — начал я. — Я хочу показать вам ещё одну идею. Двигатель, который будет работать на любом дешёвом топливе. На нефти, на мазуте, даже на растительном масле.

— Паровой двигатель? — спросил Николай Оттович.

— Нет. Без котла, без пара. Топливо будет сгорать прямо внутри цилиндра.

— Как в газовом двигателе? — уточнил Александр Гаврилович. — Лемуар сделал такой. Но он работает на светильном газе, и очень неэффективно.

— Похоже, но не совсем, — ответил я. — В двигателе Лемуара топливовоздушная смесь воспламеняется от искры. А в моём — воздух сначала сильно сжимается поршнем, от этого нагревается. А потом в него впрыскивается топливо и воспламеняется само, без искры.

Они переглянулись.

— Сильно сжать? — переспросил Павел Осипович. — Насколько сильно?

— Примерно в пятнадцать раз. До тридцати атмосфер.

— Тридцать атмосфер! — ахнул Иван Кузьмич. — Да любой цилиндр разорвёт!

— Не любой, — возразил я. — Если сделать цилиндр до-

статочно толстостенным, из хорошей стали, выдержит.

— А как впрыскивать топливо? — спросил Николай Оттович. — Против такого давления?

— Форсункой, — ответил я. — Насос высокого давления подаёт топливо через маленькое отверстие, оно распыляется и воспламеняется.

Я разложил чертежи. Рисовал я их несколько недель, вспоминая устройство дизеля из курса теплотехники, который читал когда-то для общего развития. Схема была примерной, но основные узлы я помнил.

— Вот цилиндр, — показывал я. — Вот поршень, шатун, коленвал. Вот впускной клапан для воздуха, выпускной — для отработанных газов. Вот топливный насос с форсункой.

— Сложно, — вздохнул Александр Гаврилович. — Очень сложно. И непонятно, как регулировать мощность.

— Мощность регулируется количеством впрыскиваемого топлива, — объяснил я. — Чем больше топлива — тем выше давление и температура.

— А зажигание?

— Самовоспламенение от сжатия. Свечи не нужны.

— Невероятно, — покачал головой Николай Оттович. — Ваше высочество, если такой двигатель удастся сделать, он заменит паровые машины везде.

— Заменит, — согласился я. — Поэтому надо начинать сейчас. Через десять лет такие двигатели будут нужны на заводах, на кораблях, на железной дороге.

— На железной дороге? — удивился Павел Осипович. — Но паровоз...

— Паровоз будет, но с дизелем, — сказал я. — Представьте: не нужно возить уголь и воду, достаточно бака с нефтью. Тепловоз сможет пройти тысячи вёрст без заправки.

Они молчали, переваривая услышанное.

— Ваше высочество, — осторожно спросил Александр Гаврилович. — Откуда вы всё это знаете?

— Мечтаю, — улыбнулся я. — Мечтаю и рисую. А вы — делайте.

Работа над дизелем началась в июне. Я выделил мастерскую, закупил материалы, нанял лучших слесарей. Николай Оттович взялся за расчёты, Александр Гаврилович — за конструирование, Павел Осипович — за изготовление деталей.

Первый цилиндр разорвало на испытаниях. Хорошо, что никого не убило — только контузило одного рабочего. Второй держался, но поршень заклинило. Третий работал, но топливо не воспламенялось.

— Ваше высочество, — жаловался Николай Оттович. — Мы не можем добиться нужной температуры сжатия. Воздух нагревается, но недостаточно.

— Значит, надо повысить степень сжатия, — отвечал я. — Или подогреть впускной воздух.

— Подогреть? Зачем?

— Чтобы облегчить воспламенение. Можно пропускать воздух через выхлопной коллектор перед впуском.

— Сделаем.

Через месяц получилось. Маленький одноцилиндровый двигатель затарахтел, задымил и — заработал. Сам, без постороннего источника воспламенения, на сырой нефти.

— Работает! — заорал Александр Гаврилович. — Ваше высочество, работает!

Я смотрел на это чудо техники и не верил своим глазам. Первый в мире дизельный двигатель. На двадцать пять лет раньше срока.

— Сколько лошадиных сил? — спросил я.

— Пять, — ответил Николай Оттович. — Пока пять. Но если увеличить цилиндр, будет больше.

— Хватит и пяти. Теперь надо доводить до ума. Делать надёжным, экономичным, пригодным для производства.

— Сделаем, ваше высочество. Теперь сделаем обязательно.

К концу 1864 года у нас работало уже три двигателя. Один — на заводе, качал воду из Невы. Второй — в мастерской,

крутил станки. Третий — экспериментальный, с изменяемой степенью сжатия, для отработки режимов.

Слухи о новом двигателе дошли до Академии наук. Ко мне приехал Якоби, посмотрел, покрутил головой.

— Невероятно, ваше высочество. Просто невероятно. Вы понимаете, что вы сделали?

— Понимаю, Борис Семёнович. Понимаю.

— Если поставить такой двигатель на корабль — не нужны будут паровые машины с их котлами и углем. Экономия, дальность плавания...

— Именно, — кивнул я. — Но сначала надо довести до ума. И делать их много, на заводах.

— А патент? Вы подали заявку на патент?

— Нет ещё. Думал, может, не надо.

— Надо, ваше высочество! Обязательно надо! Иначе англичане или немцы узнают и украдут идею.

Я задумался. Дизель в оригинальной истории запатенто-

вал свои идеи в 1890-х. Если я запатентую сейчас — кто сможет оспорить?

— Хорошо, — сказал я. — Подадим заявку. И в России, и в Европе.

Винтовка тем временем пошла в серию. Тульский, Ижевский, Сестрорецкий заводы переходили на новые станки. К концу 1865 года армия получила первые пятьдесят тысяч трёхлинеек. Солдаты были в восторге.

— Легкая, — говорили они. — И бьет далеко. И не заедает.

На полигонах испытывали новые патроны — с бездымным порохом. Я подсказал химикам, как его делать, и через год у нас был свой пироксилин.

Всё шло хорошо. Даже слишком хорошо.

В январе 1866 года случилось то, чего я боялся всё это время.

Утром, когда я собирался на завод, в комнату вбежал Саша.

— Никса! Стреляли в папеньку!

У меня оборвалось сердце.

— Что? Где? Когда?

— В Летнем саду, час назад. Какой-то человек выстрелил из пистолета, но промахнулся. Папенька жив, жив!

Я выдохнул. Жив. Значит, история повторилась — первое покушение на Александра Второго было в 1866 году, стрелял Каракозов. Но Каракозов? Тот самый студент, с которым я говорил на катке?

— Кто стрелял?

— Какой-то Каракозов, — ответил Саша. — Схватили его. Говорят, из революционеров.

Я сел в кресло, пытаюсь успокоиться. Всё идёт по-прежнему. Несмотря на все мои усилия, история не меняется. Каракозов всё равно выстрелил. Хорошо, что промахнулся.

— Поехали к папеньке, — сказал я. — Сейчас же.

Император был бледен, но держался.

— Никса, — сказал он, когда мы вошли. — Вот видишь, как бывает. Хотели убить.

— Папа, я... — у меня перехватило горло.

— Не надо. Всё хорошо. Бог миловал. Но ты понимаешь теперь, почему я говорил, что реформы надо делать быстро? Потому что если не мы — они сделают по-своему, кровью.

— Понимаю, папа. Понимаю.

— Твои винтовки, — вдруг усмехнулся он. — Хорошие винтовки. Надо бы побольше. И солдат учить стрелять. А то охрана моя — только шум подняла, а стрелять не умеет.

— Будет, папа. Всё будет.

Я вышел от отца с тяжёлым сердцем. История не желала меняться. Или я делал недостаточно?

Каракозова судили и повесили. Я не пошёл на казнь, хотя меня звали. Не мог смотреть на человека, с которым говорил когда-то, пусть даже он был террористом.

После покушения отец стал осторожнее. Реформы замедлились, консерваторы подняли голову. Но я продолжал своё дело.

В 1867 году мы запустили первый в мире дизельный электростанцию. Небольшую, на пятьдесят киловатт, но она освещала часть Невского проспекта. Люди собирались толпами, смотрели на электрические фонари, крестились.

— Чудо, — говорили они. — Господне чудо.

Я не спорил. Пусть думают что хотят.

В 1868 году я представил отцу проект реформы образования. Обязательное начальное обучение для всех, технические училища при заводах, университеты для способных крестьян. Отец подумал и согласился.

— Денег нет, — сказал он. — Но ты прав. Без грамотных

людей Россия пропадёт.

Школы открывались по всей стране. Медленно, со скрипом, но открывались. Мои инженеры ездили по заводам, учили рабочих читать чертежи, считать, понимать машины.

В 1869 году умер Якоби. Я был на его похоронах, стоял у гроба и думал о том, сколько ещё успею, пока сам не уйду.

1870 год. Мне было двадцать семь. За спиной — десять лет работы, десятки изобретений, тысячи сделанных дел. Я стоял на балконе Зимнего дворца и смотрел на заснеженный Петербург.

— О чём задумался, Никса? — Саша подошёл неслышно.

— О жизни, Саша. О том, сколько ещё надо сделать.

— Ты и так сделал больше, чем кто-либо, — сказал он. — Винтовки, двигатели, станки, школы. Россия меняется.

— Мало, — ответил я. — Очень мало. Впереди ещё столько...

— Не торопись, брат. Жизнь длинная.

Я посмотрел на него. Если бы он знал, что в той истории, откуда я пришёл, ему оставалось жить всего одиннадцать лет. Что он умрёт в сорок девять от болезни почек. Что его сын станет последним императором.

— Саша, — сказал я. — Ты береги себя. Хорошо береги.

— Опять ты за своё, — улыбнулся он. — Ладно, пойдём в дом, замёрзнешь.

Я обнял его и пошёл следом. Впереди была новая эпоха. Эпоха, которую я строил своими руками.

И, кажется, у меня получалось.

Продолжение следует...

Глава 6

Выбор сердца и воля судьбы

1871 год. Петербург встречал весну звоном капели и криками грачей. Я стоял у окна своего кабинета в Зимнем дворце и смотрел, как Нева взламывает лед — мощно, неудержимо, как сама жизнь. За спиной на столе громоздились чертежи, отчеты с заводов, письма от ученых. Десять лет работы изменили Россию больше, чем за полвека до этого. Трехлинейка уже стала основным оружием армии. Дизельные двигатели стучали на фабриках. Станки 1К62, которые я назвал в честь года своего попадания, работали по всей империи.

Но сегодня меня ждал разговор, которого я боялся больше, чем покушений и интриг.

— Ваше высочество, — Ольга вошла бесшумно, как всегда. — Император просит вас пожаловать к нему в кабинет.

— Знаю, Оленька. Иду.

Я поправил мундир и направился к отцу. Коридоры Зимнего я знал теперь как свои пять пальцев. Портреты предков, зеркала в золоченых рамах, лакеи в ливреях — все это стало

привычным, почти родным. Но сегодня сердце билось чаще обычного.

Отец сидел за своим огромным столом, заваленным бумагами. Рядом стояла мать — императрица Мария Александровна выглядела взволнованной.

— Никса, — начал отец без предисловий. — Тебе двадцать семь лет. Пора жениться.

Я вздохнул. Знал, что этот день настанет. И оттягивал это событие, относительно "того" времени.

— Понимаю, папа.

— Мы долго думали, — продолжила мать. — Перебирали европейские дворы. Есть несколько кандидатур. Но ты должен выбрать сам. Это твоя жена, твоя судьба.

— Кто именно, маменька?

Отец развернул бумагу.

— Первый вариант — германские принцессы. Их достаточно много, чтобы ты мог выбрать себе жену, которая понравится. Союз с Германией усилил бы наши позиции в Ев-

ропе.

Я поморщился. Германия очень серьезный игрок и брак с Гогенцоллернами означал бы втягивание в их игры.

— Второй — принцесса Луиза Саксен-Кобург-Готская, дочь королевы Виктории. Англия — наш давний соперник, но союз мог бы смягчить противоречия.

— Третий? — спросил я.

— Третья — принцесса Мария София Фредерика Дагмар Датская, — мягко сказала мать. — Дочь короля Кристиана Девятого. Та самая, с которой вы переписывались все эти годы.

Я замер. Дагмар. Минни. Та самая девочка, что присылала мне трогательные письма после моей болезни. Та, с которой мы обменялись десятками посланий за эти годы — сначала официальных, потом все более теплых. Я никому не говорил об этой переписке, но мать, кажется, знала все.

— Дагмар, — повторил я. — Ей сейчас... двадцать четыре?

— Двадцать четыре, — кивнула мать. — Она до сих пор

не замужем. Говорят, ждет. Сама не знает кого, но ждет.

Я вспомнил ее последнее письмо, полученное месяц назад: «Мне иногда кажется, что мы знакомы тысячу лет, хотя видели друг друга только на портретах. Я молюсь за вас каждый вечер, ваше высочество. Мне почему-то кажется, что наши судьбы связаны».

— А другие? — спросил я, чтобы скрыть волнение. — Есть еще?

— Есть принцесса Ольга Константиновна, наша, греческая, — сказал отец. — Двоюродная сестра. Но церковь не одобряет браки такой степени родства. Придется просить разрешения Синода.

— Не надо, — покачал я головой. — Не хочу проблем с церковью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.